

**Наталья Николаевна Александрова
Марина Крамер
Татьяна Витальевна Устинова
Галина Владимировна Романова
Марина С. Серова
Ольга Тарасевич
Елена Логунова
Дарья Донцова
Анна и Сергей Литвиновы
Людмила Ситникова
Валерия Вербинина
Наталья Евгеньевна Борохова
Новогодний детектив (сборник)**

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=249402
Новогодний детектив: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38489-1*

Аннотация

Дорогие и любимые читатели! Издательство «Эксмо» с удовольствием представляет вам новогодний сборник детективных рассказов – уникальный подарок для вас, ваших друзей и близких! Самые известные и любимые авторы – Дарья Донцова, Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Марина Крамер – и другие мастера криминального жанра придали своим сюжетам особый оттенок новогоднего волшебства! Читая эти увлекательные истории, вы не только расследуете вместе с героями преступления, но и станете свидетелями того, как нежданно-негаданно в их дом приходит счастье! А может, оно заглянет и к вам? Верьте в чудеса! В новогоднюю ночь они сбываются!

Содержание

Наталья Александрова. Жених к Новому году	4
Наталья Борохова. С Новым годом, адвокат!	17
Валерия Вербинина. Белая сирень в декабре	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Новогодний детектив (сборник)

Наталья Александрова. Жених к Новому году

Лена не спеша вышагивала по улице, ссутулившись и угрюмо поглядывая на своего провожатого. Что за погода в нашем городе! На улице стоит просто собачий холод, впору шубу надевать, впрочем, и немудрено, ведь скоро Новый год! Дует ледяной ветер, над головой висят чернильные тучи, грозящие просыпаться мокрым снегом. А у нее нет зонтика. Что ж, чем хуже, тем лучше!

На душе было препогано. Все-все, все ее мечты и надежды пошли сегодня прахом. Лена чувствовала боль, растерянность и самую настоящую злость, причем злилась она на себя. И было за что: пошла на поводу у Жанки, позволила себя уговорить, и вот вам пожалуйте – результат, что называется, налицо!

Все началось четыре месяца назад, когда она, по рекомендации Жанны, устроилась работать в эту архитектурную мастерскую. До этого Жанка воспитывала и пилила ее почти год, требуя, чтобы Лена сделала что-то со своей никчемной, как она считала, жизнью.

– Подумать только! – возмущалась Жанна. – Торчишь в какой-то жалкой занюханной фирмочке, проводишь дни, уткнувшись носом в экран компьютера! Вечно в джинсах и растянутом свитере! Видеть его не могу!

– Мне так удобно... – слабо возражала Лена. – Лучше работается...

– Проводишь свои молодые годы в пыльной комнатенке, получаешь за это гроши! – не унималась Жанна. – И кто тебя окружает? Ненормальные программеры, которые вообще не отрываются от своих экранов! Можно хоть в драных джинсах ходить, хоть вообще голой – все равно никто не посмотрит! А если посмотрят, то лучше бы этого не делали – на черта они сдались-то?

– Это верно, – засмеялась Лена, – они хорошие ребята, но им, кроме их компьютеров, никто не нужен. Есть-пить, стричься-бриться и то иногда забывают.

– Вот и я говорю! – Жанка обрадовалась, что Лена хоть в чем-то с ней согласна. – Никакой личной жизни! Еще пару лет – и в глазах мужчин ты совсем потеряешь товарный вид!

Лена едва заметно поморщилась – Жанна остра на язык и всегда прямо высказывает свое мнение, даже когда ее об этом не очень просят. И умеет подбирать слова. Вот как сейчас – надо же, «товарный вид»! Как будто она, Лена, залежалый товар, который срочно требуется сбить с рук, пока не испортился окончательно!

– Нечего хмуриться! – Жанка обладала не только бритвенным язычком, но и орлиным взглядом. – Кроме меня, тебе правды никто не скажет!

«Уж это точно», – подумала Лена.

Захотелось ехидно напомнить Жанне, что сама-то она пока не устроила свою личную жизнь. То есть у нее полно приятелей и поклонников, подобрать кавалера для сопровождения на какую-нибудь крутую вечеринку для Жанки – левое дело, записная книжка в мобильном телефоне переполнена номерами. И очень часто совместные походы по ночным клубам и разным злачным местам заканчиваются постелью. Жанка нисколько не скрывает своих походов. Напротив, ей нравится такое времяпрепровождение – мимолетные знакомства, редкие встречи, ни к чему не обязывающий секс.

Лена бывала раньше в Жанкиных компаниях. Ее не слишком привлекали шумные беседы и то, что каждый встречный, независимо от пола, норовит с ходу облизнуть в обе щеки. Это у них такое приветствие – изобразить бурную радость и лезть целоваться. При этом девицы обязательно измажут помадой, а от мужчин противно пахнет табаком и пере-

гаром. И шутки в таких компаниях весьма вольные – еще бы, все со всеми хоть раз да переспали, получается одна большая семья, некого стесняться.

Лена не высказывала Жанке никаких претензий – у нее был неконфликтный характер, подруга вечно дразнила ее рохлей и мямлей. Но Жанка далеко не дура и очень наблюдательна, не терпит никакой недосказанности. И однажды она прижала Лену к стенке и потребовала выложить все, чем она недовольна.

– Да я вовсе не недовольна! – слабо отбивалась Лена. – Просто мне такое обращение не нравится... Какие-то они все... ну, несерьезные, что ли, ненастоящие...

– Ты не права! – подруга отнеслась к Лениным словам неожиданно серьезно. – Каждый из этих людей что-то из себя представляет. Все, и парни, и девички, много работают, зарабатывают хорошие деньги, а тут просто оттягиваются. Ты пойми, в офисе все по линейке, нужно держать себя в жестких рамках, а тут, среди своих, можно быть самим собой.

И у Лены язык не повернулся сказать, что если Жанкины приятели не притворяются пошляками, наглецами и пустышками, а такие и есть на самом деле, то это еще хуже. Но дело даже не в этом. И Жанка это прекрасно поняла, она умела читать чужие мысли, во всяком случае с Леной у нее это хорошо получалось.

– Знаю все, что скажешь! – мгновенно вскипела Жанна. – Тебе не нравится мое отношение к сексу.

Лена даже в мыслях не любила употреблять это слово. Ей хотелось думать о любви. Никто из Жанкиных приятелей не вызывал у нее никаких нежных чувств.

– Знаю-знаю, – в голосе подруги появились издевательские нотки, – ты считаешь, что мое времяпрепровождение аморально, а нужно жить, как наши бабушки, – полюбить одного и на всю жизнь!

– Да я ничего не говорю... – Лена пожала плечами. – Каждый живет, как хочет...

– Может, ты и замуж хочешь?

– Хочу! – неожиданно призналась Лена.

– Какой ужас! – закричала Жанка. – Сидеть и мечтать о счастливом замужестве, как продавщица из ларька! Да ты оглянись вокруг, все давно переменялось! О чем ты мечтаешь? Нарожать ему детей и провести всю оставшуюся жизнь между плитой и стиральной машиной? Каждый день готовить ему борщ, а на второе – макароны по-флотски? Или жареную картошку?!

– Оставим этот разговор! – Лена повысила голос. – Я в твою жизнь не лезу!

– Ладно! – легко согласилась Жанна. – Признаю. Но насчет работы ты так просто от меня не отвертисься.

И вот, как только в их фирме освободилась вакансия, Жанна буквально за уши вытащила Лену с работы, наскоро протащила по магазинам, громко ужасаясь тому, как люди могут так наплеватьски относиться к своему гардеробу, и представила пред светлые очи своего шефа – кое-как причесанную, почти без макияжа и ошеломленно хлопающую глазами. Лену взяли – не то чтобы очень ценилась Жанкина рекомендация, просто архитектурной мастерской до зарезу нужен был программист.

Шеф покорила Лену сразу же, как только появился на пороге, – зеленоглазый красавец тридцати двух лет с белозубой рекламной улыбкой. Звали его Никитой.

Как просветила Лену подруга, шеф был не только суперкрасивым мужчиной, но еще и потрясающе талантливым архитектором. Лена застыла в неудобном офисном кресле, боясь пошевелиться, поедая шефа глазами.

Жанка только рукой махнула, перехватив Ленин взгляд – мол, опомнись, не про тебя кусок!

Прошел месяц, и Лена не только не опомнилась, но все глубже и глубже падала в пучину своей тайной любви. Она ничего не могла с собой поделаться, ее глаза сами следовали за шефом, как только он появлялся в комнате.

Офис их фирмы был современный – одно большое светлое пространство, все сотрудники сидели рядом, никто не пытался отгородиться от соседа ни плакатом, ни картинкой, ни даже горшком с незатейливым комнатным растением. Шеф, разумеется, имел свой кабинет – туда он вызывал сотрудников на совещания, там проводил важные переговоры с заказчиками.

Лена по своему положению – рядовой программист – в кабинет шефа попадала редко. Может, и к лучшему, думала она иногда, потому что работать в присутствии Никиты она не могла. Руки дрожали, в голове не было ни одной умной мысли, да что там умной, вообще никаких. Так что, если бы Никита не скрывался за закрытой дверью кабинета, Лену бы обязательно уволили за профнепригодность.

Жанна пыталась принять меры. Сначала она хотела Лену отвлечь и с этой целью познакомилась с ее новым приятелем Жорой.

– От себя отрываю! – предупредила она. – Так что цени! Только ты его Жорой не называй, он очень сердится, говорит, что он Егор...

И разумеется, у влюбленной и рассеянной Лены такой важный факт вылетел из головы. Егор, который не хотел быть Жорой, страшно обиделся и даже не проводил Лену домой, чему, надо сказать, она даже обрадовалась.

И снова все пошло по-старому. Зеленоглазый красавец мужчина, сказочный, невероятный Никита утвердился в Ленином сердце, да и не только, им была пропитана каждая ее клеточка. Голос в душе пел на разные лады «Никита, Никита...», и Лена из последних сил сдерживалась, чтобы не пропеть это имя вслух.

Его все сотрудники называли Никитой, только одна секретарша Даша – Никитой Андреевичем.

Жанка недовольно ворчала, долго воспитывала Лену, но наконец, видя, что с Леной творится, прониклась сочувствием к подруге и стала давать ей практические советы.

– Не сиди в углу и не пялься на него своими глазами. Конечно, это самое лучшее, что у тебя есть, да и остальное тоже ничего себе – фигура, ноги, но это – не главное. Мужчину, тем более такого, как наш шеф, нужно завоевать. Нужно взять его приступом, как средневековую крепость.

– Вряд ли у меня получится – приступом, – усомнилась Лена.

– Тогда – длительная осада, – согласилась Жанна, – но это – процесс долгий.

Внимая советам подруги, Лена постаралась изменить свой внешний облик – приблизить его к облику современной деловой женщины. Деловой костюм, но не строгий, с достаточно короткой юбкой, безупречный макияж и так далее. Уже не раз она замечала, как взгляд шефа с удовольствием останавливается на ее стройной фигурке.

Он был ровен и приветлив со всеми, вежлив не напоказ, он просто лучился обаянием, все дамы в мастерской его обожали. Понемногу Лена свыклась со своей любовью и по совету Жанки решила подождать удобного случая.

– У меня бы терпения не хватило, – честно сказала Жанка, – но ты у нас из другого теста сделана, так что надейся и жди!

Увлеченная своими личными переживаниями, Лена не сразу поняла, что попала на новую работу в очень важный, можно сказать – судьбоносный момент.

Как раз в это время их фирма готовила конкурсный проект здания для нового театра оперы и балета. Кроме нее, в конкурсе участвовало несколько крупных архитектурных мастерских. Об этом конкурсе много говорили, о нем писали все городские газеты, его

обсуждали по телевизору, и Никита не уставал повторять, что от него зависит будущее фирмы, а значит – будущее каждого ее сотрудника. Архитекторы и дизайнеры, проникшись важностью момента, просиживали на работе допоздна, и Лене тоже приходилось оставаться с ними, обеспечивая компьютерную поддержку. Впрочем, она делала это с удовольствием, потому что могла больше времени проводить рядом с мужчиной своей мечты.

Никита воодушевлял коллектив, повторяя, что, если они выиграют конкурс, мастерская выйдет на новый уровень, выгодные заказы посыплются на нее как из рога изобилия и все ее сотрудники станут богатыми и знаменитыми.

И как раз в этот момент в фирме появилась новая сотрудница.

Звали ее Марина, раньше она работала в очень известной архитектурной мастерской, и Никита считал ее переход в свою фирму огромной удачей и своим личным достижением.

Неизвестно, что она представляла собой как работник, но внешне это была потрясающая девица. Лицо, фигура, осанка – все, как у модели. Огромные голубые глаза, волосы до талии, чарующий голос... при этом она одевалась дорого и со вкусом, умело пользовалась макияжем...

В общем, увидев ее, Лена поняла, что ей теперь ничего не светит.

И действительно – Никита увивался возле Марины ужом и всякий раз твердил, какой она потрясающий специалист и как фирме повезло, что Марина согласилась в нее перейти.

Не только Лена – все сотрудницы мастерской почувствовали, что Марина, если можно так выразиться, приватизировала шефа, отодвинув всех прочих на задний план. Он смотрел на нее восхищенным взором, пил с ней кофе и пользовался всякой возможностью для личного общения.

Женщины есть женщины, и в любое другое время в коллективе разгорелись бы нешуточные страсти. Но в данное время все оказались по уши заняты, некогда было сплетничать по углам и шипеть на Марину, столкнувшись возле зеркала или у кофеварки. Тем более что новая сотрудница с дамами общалась мало, как-то так умела себя поставить, что вроде и привязаться к ней было не из-за чего. Лена Марина не замечала – не напоказ, а на самом деле относилась к ней так же, как к монитору или к принтеру – стоит там что-то в углу, не мешает, иногда пользу приносит...

Тем временем работа над проектом шла полным ходом.

Ребята в мастерской подобрались очень способные, они отдавали проекту все силы, и хотя Лена не была архитектором и мало что в этом понимала, но даже она видела, что у них получается что-то замечательное.

До сдачи оставалось всего несколько дней, но Никита все время чем-то был недоволен и требовал новых доделок и исправлений. Он повторял, как много зависит от этого проекта, а это значит, что он должен быть просто идеальным.

Наконец в самый последний день, когда проект уже следовало предоставить на конкурс, он остался доволен результатом.

Весь коллектив собрался в его кабинете, и Никита запустил на своем компьютере ролик с демонстрационной версией проекта.

Как уже было сказано, Лена – не архитектор, но даже она ахнула от восхищения.

Здание театра выглядело одновременно необычно и традиционно, это здание не было похоже ни на что прежде виденное, но при этом сразу становилось ясно, что это – настоящий храм искусства. Все в нем было продуманно, все удобно и красиво.

Когда ролик закончился, все захлопали в ладоши, как будто только что посмотрели замечательный спектакль. Жанка, конечно, вылезла вперед и выразила общее мнение, сказав вполголоса, что конкурс они непременно выиграют. Не могут не выиграть. И забыла постучать по дереву.

Окончательный вариант проекта был только в одном экземпляре, в компьютере Никиты. Это было сделано из соображений безопасности, чтобы никто из конкурентов его не украл, не позаимствовал какие-то художественные или технические решения. Только теперь, когда закончилась внутренняя презентация, Никита сам, лично переписал проект на лазерный диск, который до конца рабочего дня нужно было отвезти председателю конкурсной комиссии.

Пока шеф занимался копированием, остальные сотрудники не спешили расходиться, вполголоса обсуждая впечатления от презентации. Все были в радостном, приподнятом настроении и практически не сомневались в победе.

Закончив переписывать информацию на диск, Никита облегченно вздохнул и повернулся к секретарше Даше.

– Даш, сварь-ка мне кофейку! – сказал он и, как мальчишка, крутанулся на кресле.

Глаза его сияли нестерпимым зеленым светом, волосы слегка растрепались, воротничок у рубашки смялся, и галстук съехал на сторону. Он улыбался – уверенно и удовлетворенно и был так фантастически хорош, что Лена едва не застонала в голос. Она прикусила губу чуть не до крови и только так сумела обуздать свои чувства.

– Сейчас, Никита Андреевич! – секретарша бросилась исполнять его просьбу.

Она прекрасно знала вкусы Никиты и заправила в кофеварку двойную порцию молотого кофе.

– Даша, а мне сделай послабее! – капризным голосом избалованной красавицы потребовала Марина.

– Что? – переспросила удивленная секретарша, повернувшись к ней.

– Ты что – плохо слышишь? – Марина подошла к кофейному столику, потянулась к кофеварке...

Даша с криком отскочила в сторону – из машины вырвалась струя горячего пара и обварила ей руку.

– Какая ты неловкая! – раздраженно проговорила Марина. – Ладно, я сама все сделаю...

Секретарша, тряся обожженной рукой, убежала в туалет, а Марина поставила на металлический поднос чашку и отнесла ее Никите.

Кабинет у шефа был большой, кофеварка стояла на маленьком столике в самом углу, Марина шла, как всегда, очень красиво, гордо подняв голову и легко переступая длинными ногами.

Никита принял чашку и улыбнулся Марине одними глазами. Лена подумала, что, если бы такая улыбка была адресована ей, она бы тут же на месте умерла от счастья. С тем, чтобы воскреснуть через минуту, потому что у такой улыбки обязательно ожидается продолжение, иначе просто не бывает!

Попробовав кофе, шеф прямо засиял от удовольствия.

– Марина, ты – единственная женщина, которая понимает мой вкус! – громко заявил он.

Лена подумала, что Марина тут ни при чем – ведь кофе-то сварила Даша... но оставила эти мысли при себе. Верная Жанка тут же сжала ее локоть – мол, не принимай близко к сердцу, он сейчас всем доволен, счастлив просто, оттого и расслабился...

А Марина, скромно приняв очередную порцию комплиментов, вернулась к кофеварке, чтобы сварить кофе для себя.

Сотрудники потянулись к выходу.

Марина засыпала кофе, нажала кнопку...

И вдруг раздался громкий хлопок, и в помещении вырубилось электричество.

– КЗ! – раздался мрачный голос Николая Антоновича, завхоза фирмы, который по совестительству отвечал за сантехнику и электрическое оборудование. – Короткое замыкание! – пояснил он для оторванных от земли программистов и архитекторов.

Он залез в распределительный щиток, повозился там, и электричество снова заработало.

Застрекотал, включившись, принтер, загорелись разноцветные лампочки на злополучной кофеварке, включилась подсветка декоративного аквариума. И только компьютер Никиты не включился. Он молчал, мрачно глядя на присутствующих темным экраном.

Никита позвал системного администратора Гошу. Тот поколдовал над компьютером, распрямился и проговорил, разведя руками:

– Бобик сдох! Не выдержал, короче, скачка напряжения, и жесткий диск полетел...

Никита напрягся и сжал зубы. Судьба компьютера его не слишком волновала, беспокоился он только из-за демонстрационного ролика, который был на сгоревшем диске. Такой важный файл нельзя оставлять в единственном экземпляре. Тем более что лазерный диск он собирался отвезти в конкурсную комиссию. По его распоряжению в кабинет притащили компьютер кого-то из архитекторов (машины программистов не обладали достаточными ресурсами), подключили его. Никита поставил на дисковод диск с роликом, запустил его, прежде чем переписать на винчестер...

И у всех присутствующих отвисли челюсти.

Вместо прекрасного здания нового театра на экране появился хлипкий домик из соломы.

На диске был записан мультфильм.

– Что это такое? – проговорил Никита удивительно спокойным голосом, который, однако, никого не обманул.

– Мультфильм... – растерянно брякнул Гоша.

– Какой мультфильм?! – На этот раз в голосе Никиты слышались отзвуки приближающейся грозы.

– Три поросенка... – пролепетал Гоша и попытался смешаться с оставшимися в кабинете сослуживцами.

Однако гроза разразилась, и досталось всем.

Самое мягкое из того, что сказал шеф, – это что его окружают не три поросенка, как в мультфильме, а целый коллектив настоящих свиней, которых давно уже пора пустить на колбасу.

Выпустив пар и немного успокоившись, Никита доступно объяснил тем, кто этого еще не понял, что без этого ролика на их фирме можно поставить жирный крест, и уже через несколько дней все присутствующие станут безработными.

– Но можно все заново скомпоновать... – пролепетал кто-то из разработчиков. – Фрагменты ролика сохранились в машинах архитекторов...

– Разъясняю для идиотов, – проговорил Никита с прежним ледяным спокойствием. – Чтобы заново скомпоновать ролик в качестве, годном для демонстрации на конкурсе, нужно не меньше суток напряженной работы. А прием материалов заканчивается через четыре часа...

Он оглядел присутствующих страшным взглядом и проскрежетал:

– Чья это работа? Лучше признайтесь сразу, если расколю сам – задушу собственными руками!.. – И он поднял над головой сильные волосатые руки.

Как-то все ему сразу поверили – действительно задушит...

Кто-то из сотрудников попытался выскользнуть из комнаты, но шеф рявкнул:

– Стоять! Отсюда никто не выйдет, пока у меня на столе не появится диск с демонстрационным роликом! Унести его отсюда не могли!

Кто-то из женщин робко пробормотал, что нужно вести ребенка в поликлинику, но Никита даже не повернул голову в ту сторону.

Тут вперед выступила Марина.

– Давайте проверим вещи присутствующих! – проговорила она трагическим голосом. – Я готова подать пример!

И она красивым жестом вытряхнула на стол Никиты содержимое своей сумочки.

Там оказалось довольно много косметики (конечно же, первоклассной), кредитная карточка, кошелек и еще кое-какие женские мелочи.

Единственным предметом, который не вписывался в эту картину, был крошечный тюбик сильнодействующего клея. Впрочем, в этом тоже не было ничего удивительного: мало ли, для чего он мог понадобиться!

Правда, Лене, которая внимательно наблюдала за происходящим, показались странными две вещи: во-первых, та готовность, с которой Марина выставила на всеобщее обозрение содержимое своей сумки, и, во-вторых, сам факт, что она с этой сумкой пришла на презентацию. Остальные девушки оставили свои сумки на рабочих местах.

Похоже, кроме Лены, это никому не показалось подозрительным.

Шеф обвел присутствующих пылающим взглядом и прорычал:

– Ну а все остальные?

Тут поднялся невообразимый шум: мужчины возмущались, женщины спорили... кто-то возмущенно выворачивал свои карманы... та же молодая мама, которая торопилась в детскую поликлинику, начала всхлипывать и срывающимся голосом спросила Никиту, собирается ли он ее лично обыскивать или доверит это грязное дело кому-то из своих приближенных. Системный администратор Гоша демонстративно выложил на стол перед шефом упаковку презервативов.

Кажется, Никита понял, что перегнул палку.

Он стоял посреди комнаты, багровый от злости, и подозрительно оглядывал сотрудников.

– Отсюда никто не выходил! – повторил он. – Значит, диск все еще здесь...

– Почему – никто? – раздался вдруг голос Марины. – Даша...

Никита уставился на нее удивленно, а Марина продолжила:

– Она могла нарочно ошпариться... или сделать вид, что ошпарилась, чтобы выскочить из кабинета, пока ты не заметил пропажу диска!

– Черт! – выдохнул шеф и бросился к дверям.

Почти все сотрудники устремились за ним – кто, чтобы удержать его от членовредительства, кто – просто из любопытства, чтобы не пропустить увлекательное зрелище...

Никита, пыхтя и топая, как слон, ворвался в дамскую комнату.

Несчастливая Даша стояла перед раковиной, подставив руку под струю холодной воды. Рука была красная и распухла буквально на глазах. Однако Никиту это не остановило.

– Где диск?! – заорал он с порога. – Отдай его сейчас же, иначе я... иначе тебя... иначе...

Кажется, он и сам еще не придумал, что сделает с несчастной секретаршей.

Но Дашка перепугалась ужасно. Кажется, больше всего ее напугало то, что красный как рак начальник ворвался в женский туалет. Неизвестно, что она вообразила. Отскочив в дальний угол помещения, она вжалась в стену и испуганно заверещала:

– Что вы, Никита Андреевич? Куда вы? Вам сюда нельзя! Зачем? Какой диск? Я ничего не знаю!

Никита оглядел ее с ног до головы и, кажется, действительно собрался ее обыскать. Тут своевременно вмешалась Жанка, которая являлась юристом фирмы. Она поняла, что все может закончиться серьезным скандалом, с судебным иском и разбирательством, и чуть не за руку оттащила Никиту от трясущейся секретарши.

– Да что вы, в самом деле, Никита Андреевич! – официальным голосом закричала она. – Свидетелей же полно вокруг, потом не оправдаетесь!

Никите было уже все равно, а там опомнившийся Николай Антонович вклинился между ним и Дашей. Старикан имел плотную комплекцию, так что худенькая Дашка надежно спряталась за ним.

Никита шел по коридору, покачиваясь, как пьяный, и сжимал руками голову.

Лена во время всех этих драматических событий стояла чуть в сторонке, по обыкновению не спуская глаз с обожаемого шефа.

Она понимала, какой удар перенес Никита, понимала, как в один миг рухнули его мечты и надежды...

Как замечательно все было каких-нибудь двадцать минут назад! Все радовались, предвкушая успех, обсуждали удачный проект...

И при этом никто не подходил близко к столу Никиты, осознала вдруг Лена.

Никто, кроме Марины.

Она, как всегда, крутилась рядом с шефом, она принесла ему кофе... кстати, и короткое замыкание случилось именно в тот момент, когда Марина возилась с кофеваркой!

– Жанка! – Лена схватила подругу за локоть и жарко зашептала ей в ухо: – Я знаю, кто подменил диск! Это Марина!

– Ой, да перестань! – отмахнулась от нее Жанна. – Я понимаю, ты ревнуешь к ней Никиту, но это еще не повод, чтобы швыряться такими обвинениями! Она ведь сама показала содержимое своей сумки!

– Ну да, чтобы отвлечь внимание от того места, куда на самом деле спрятала диск!

– Интересно, от какого же это?

Лена промолчала. Она прокручивала перед внутренним взором сцену в кабинете начальника.

Вот Никита вынимает диск из компьютера, укладывает в конверт, кладет на свой стол. Вот он просит Дашу сварить кофе. Даша включает кофеварку, Марина подходит к ней... секретарша отскакивает как ошпаренная... то есть она действительно ошпарена. А Марина как ни в чем не бывало ставит кофе на поднос и несет Никите...

Ну да, именно в этот момент она могла подменить диск!

Лена устремилась в кабинет начальника.

Шеф сидел за столом, глядя перед собой мертвыми глазами. Заметив девушку, он мрачно осведомился:

– Что тебе нужно?

Не удостоив его ответом, Лена схватила чашку из-под кофе, перевернула блюдце... там, конечно, ничего не было. Тогда она подняла металлический подносик, взглянула на него снизу...

Диска там не было, но на блестящем металле виднелся крошечный кусочек бумаги.

Лена попыталась его оторвать, но он держался очень прочно, приклеенный сильным клеем...

Точно таким, как тот, который был в сумке Марины!

– Да что ты здесь делаешь?! – раздраженно повторил Никита.

– Я, кажется, знаю, где диск! – выпалила Лена и вылетела в коридор, не оборачиваясь.

Сотрудники фирмы бродили по комнатам, как тени.

Кто-то нервно курил, кто-то висел на телефоне – видимо, уже подыскивал новое место в ожидании скорого увольнения.

– Где Марина? – спросила Лена, схватив за руку проходящего мимо завхоза Николая Антоновича.

– Кажется, она собиралась уходить, – отозвался завхоз, удивленно взглянув на девушку.

Лена бросилась к выходу.

Только бы успеть! Только бы Марина не ушла!

Видимо, бог услышал Ленину мольбу: Марина как раз подходила к дверям офиса, улыбаясь дежурному охраннику.

– Стой! – выпалила Лена, бросаясь наперерез сопернице.

– Ты что – свихнулась?! – презрительно бросила ей Марина и шагнула к двери. – Совсем от любви голову потеряла? Да забирай ты своего Никиту, он мне и на фиг не нужен! Неудачник чертов! Только, подруга, он на тебя и не посмотрит...

Лена отшатнулась, как от удара. Оказывается, все в мастерской знают ее тайну! Неужели Жанка разболтала? Да нет, не может быть, у нее вечно все написано на лице. И та же Жанка предупредила, чтобы Лена держала себя в руках... Но сейчас не время об этом думать.

Лена постаралась не отвлекаться на личные выпады. У нее было куда более важное дело.

– Не выпускай ее! – крикнула она охраннику. – Пусть покажет свою сумку!

– Что?! – процедила Марина, прижимая сумку к груди. – Я ее уже показывала, при всех! А вот ты...

– Извините, Марина Евгеньевна! – охранник заступил ей дорогу. – Откройте, пожалуйста, сумку!..

– Ты не имеешь права... – Марина попятилась. – Я скажу Никите, и ты отсюда вылетешь в два счета!

– Покажи сумку! – раздался вдруг за спиной у Лены ледяной голос шефа.

– Да чтоб вас всех!.. – выпалила Марина и швырнула сумку в руки охранника. – Идите вы все знаете куда...

Никита взял сумку у охранника, открыл ее.

Там было все то, что они уже видели, – дорогая косметика, кошелек, пропуск, банковская карточка, тюбик клея... но еще там был конверт из плотной белой бумаги. Тот самый конверт, в который Никита положил диск с демонстрационным роликом.

В одном месте кусочек бумаги был оторван – в том самом месте, которым конверт был приклеен к подносу.

– Зачем?! – проговорил Никита, изумленно переводя взгляд с благополучно найденного диска на белую от злости Марину. – Зачем ты это сделала? Ведь я тебя так ценю! Я взял тебя на хорошие деньги!

– Хорошие деньги?! – Марина презрительно фыркнула. – Что ты называешь хорошими деньгами?

И тут ее словно прорвало.

Она выложила разом всю свою историю.

Оказывается, это задумал владелец той архитектурной фирмы, в которой она прежде работала.

Сначала он хотел просто заслать Марину в их мастерскую как разведчика – чтобы она докладывала ему о том, как идет разработка проекта и каковы шансы Никитиной фирмы выиграть конкурс.

Для вида она уволилась с прежнего места, но хозяин продолжал тайком от остальных выплачивать ей зарплату, к тому же доплачивал за всю ценную информацию, которую добывала Марина.

Но когда ему стало ясно, что проект у Никиты получается отличный и он имеет все шансы занять первое место, они с Мариной задумали эту подлую операцию. В случае, если бы ей удалось украсть у Никиты проект и передать своему настоящему хозяину, он обещал сделать ее совладельцем своей мастерской, а это уже – настоящие большие деньги и прочное положение. Ради этого Марина пошла бы на любую подлость.

Все было продумано в деталях.

Поскольку Марина очень часто вертелась в кабинете у Никиты, она заранее покопалась в кофеварке, чтобы в нужный момент можно было устроить короткое замыкание. Также она заранее испортила сетевой фильтр на Никитином компьютере, чтобы резкий скачок напряжения мог сжечь память. Все остальное было, что называется, делом техники.

Когда Никита переписал ролик на лазерный диск, Марина ошпарила секретаршу, чтобы расчистить себе поле деятельности. Она принесла Никите кофе и, пока он наслаждался ароматным напитком, ловко подменила диск у него на столе и приклеила настоящий диск с проектом к нижней стороне подноса.

Потом, когда пропажа обнаружилась, первой показала содержимое своей сумки, чтобы продемонстрировать Никите свою преданность и одновременно отвлечь его внимание от настоящего тайника.

После этого она навела его подозрения на несчастную секретаршу, а когда Никита бросился за Дашей, воспользовалась удобным моментом, чтобы оторвать конверт с диском от подноса и спрятать его в своей сумочке.

Она рассчитывала на то, что ее сумку не станут проверять второй раз.

Теперь ей оставалось только незаметно покинуть мастерскую и передать диск своему настоящему хозяину...

Но тут у нее на пути встала Лена – тихая мышка, жалкий придаток к компьютеру, говорящая клавиатура...

– Идиотка! – выпалила Марина, с ненавистью глядя на виновницу своего провала. – Жалкая дура! Бледная моль! Все равно тебе не на что рассчитывать! Думаешь, он подберет тебя из благодарности?

– Заткнись! – рявкнул Никита и залепил своей бывшей любимой сотруднице основательную пощечину. – Пошла вон из моей мастерской!

И она пошла, вернее, побежала. От гордой осанки и красивой походки не осталось и следа, теперь эффектная прежде девица сутулилась и загребала ногами. Но никто не смотрел ей вслед.

Уж во всяком случае, не Лена.

Ей было не до того – она, как обычно, не сводила взгляда со своего обожаемого шефа. Но теперь и Никита, наконец-то, заметил ее.

– Солнышко! – Он подошел к Лене и взял ее за плечи. – Радость моя! Ты не представляешь, как я тебе благодарен! Как я мог прежде не замечать, какое ты чудо!

Он подхватил ее и закружил по тесному помещению.

Лена забыла, на каком свете она находится. Узкий коридорчик перед постом охраны превратился в огромный бальный зал, а сама она – в Наташу Ростову, танцующую первый вальс с любимым человеком... Она таяла в руках Никиты, как Снегурочка, невысказанный восторг наполнял все ее существо, казалось, еще немного – и она взлетит... Это был прекраснейший миг в ее жизни, но оказалось, что самое лучшее еще впереди: Никита склонился к ней и запечатлел на ее щеке нежный, благодарный поцелуй!..

И тут же заторопился: у него было так много дел!

А Лена осталась на месте, оглушенная, ничего не соображающая от счастья.

И вот настал знаменательный день: их проект выиграл конкурс на строительство театра, и сотрудники решили это отметить в пятницу вечером прямо в мастерской.

– Переходим к решительным действиям! – высказалась Жанна. – Сколько еще ты собираешься ждать?

Дальнейшее Лена вспоминала теперь со стыдом. А тогда она вообще ничего не соображала, поцелуй шефа все это время горел на ее щеке, хотя прошло уже несколько дней.

Ночами Лена видела его во сне – как сильные руки сжимают ее плечи, чувствовала его запах. Никита во сне был такой близкий, такой... желанный.

Жанка все взяла в свои руки. Она уговорила Лену купить бешено дорогой черный костюм, короткий и весьма открытый спереди.

– Не сиди весь вечер буквой! – наставляла Жанка. – Преодолей свою стеснительность, если хочешь завоевать шефа! Будешь молча на него пялиться, он тебя и не заметит! Слушай меня, я его лучше знаю, третий год с ним работаю...

И весь вечер Лена изображала безудержную веселость и как умела кокетничала с шефом. Он принимал ее заигрывания благосклонно, улыбался и даже поцеловал один раз в шею, когда она млела в его объятиях, плавно двигаясь под музыку. Пьянея от своей удачи, Лена не замечала, что точно так же шеф ведет себя со всеми остальными сотрудницами, даже с той молодой мамочкой, которая успела надоесть всем со своим ребенком, даже с несчастной секретаршей Дашкой, которой только сегодня сняли повязку с обожженной руки.

Вечер шел своим чередом. Прошли многословные тосты, общие пожелания, шеф высказал уже свое одобрение всем сотрудникам мужского пола и наговорил комплиментов дамам. Все напились вина и кофе, устали от разговоров и танцев и собирались потихоньку на выход.

Лена чувствовала, что настал ее час. Сегодня или никогда, надо решаться. Пробегая мимо зеркала, она увидела свое отражение – волосы растрепаны, в глазах нездоровый горячий блеск, помада стерлась...

«Ужас какой!» – Лена наскоро взмахнула расческой, провела помадой по губам, посто- яла несколько секунд, призывая себя успокоиться.

Не слишком помогло, но хотя бы волосы теперь не стояли безумным ежиком. И когда она вышла в холл, то увидела, что шеф обнимает двух сотрудниц, игриво нашептывая им что-то на ушко. Девушки смеялись и прижимались к нему весьма недвусмысленно.

Лена не шелохнулась, не вскрикнула, не рванулась за ними. Однако Никита почувство- вал ее взгляд и оглянулся. И тут же отвел глаза, схватил за рукав проходившего мимо Сергея Комарова и проговорил ему что-то на ухо. А потом направился к своей машине в сопровож- дении хихикающих девиц.

Они ушли, а Лена осталась стоять, как громом пораженная. Делать было нечего – не пристраиваться же к ним, у шефа больше не осталось ни одной свободной руки.

Щеки опалила краска стыда, в голове стучали тысячи молоточков. Лене хотелось про- валиться сквозь землю прямо в Австралию и остаться там навсегда, чтобы никогда больше не видеть ни мужчину своей мечты, ни вообще всех сотрудников этой мастерской, пусть бы она провалилась. И Жанку в том числе.

Но Жанка куда-то подевалась уже давно – не иначе как отправилась искать новых при- ключений с системным администратором Гошкой.

Кто-то тронул Лену за локоть.

– Меня Никита просил тебя проводить, – недовольно сказал Сергей Комаров.

Лена поглядела на него с ненавистью, но усилием воли сдержала подступившие слезы.

– Не надо меня провожать, я сама доеду... – пробормотала она чужим, неестественно высоким голосом.

Сергей хмуро буркнул, что сам живет рядом, но до метро ее доведет – в машины с незнакомыми Лена предпочитала не садиться.

От свежего вечернего воздуха Лене стало легче, и стыд уступил место злости.

«Такие мужчины, как наш сказочный, невероятный шеф, не для меня, – думала Лена. – А для меня – вот, то что идет рядом. Да и то он не в восторге от моего общества – глядит хмуро, недовольно. А сам-то – подумаешь, принц! Росту среднего, вечно мрачный, сухой какой-то. За все четыре месяца моей работы мы с ним и двух слов не сказали. Он вообще

мало с кем общается. Жанка говорила, что шеф его держит за то, что очень талантливый архитектор и страшно работоспособный».

Вспомнив про шефа, Лена окончательно расстроилась. Мужчина, шедший рядом, поглядывал на нее с неодобрением и тоже молчал, думая про себя:

«Эти современные деловые женщины, почему на всех них лежит печать вульгарности и стервозности? Как будто нельзя преуспевать на работе, не будучи стервой? И эта, Лена кажется, ишь как вертелась сегодня перед шефом! Неужели ради карьеры? Скорей всего, так и есть, потому что если бы он ей нравился, она вела бы себя по-другому...»

Так шагали они молча, как чужие, следя за тем, чтобы не слишком приближаться друг к другу, и дошли до станции метро, где, несмотря на то что времени было десять часов вечера, кипела бойкая жизнь. Торговали фруктами и цветами, толклись какие-то сомнительные личности и бездомные собаки.

Увидев освещенные двери метро, Лена с облегчением повернулась к своему провожатому, как вдруг почувствовала в ноге резкую боль и вскрикнула. Рядом раздался пронзительный смех. Мальчишка лет девяти, чумазый и оборванный, грозил ей большой рогаткой и мерзко хохотал. Лена коснулась ноги: по колготкам ползла здоровенная петля, и из глубокой царапины капала кровь. Увидев Ленины страдания, мальчишка страшно обрадовался, он даже подпрыгнул на одной ножке и повернулся вокруг себя.

– Да что же это такое! – простонала Лена.

– Ах ты, шпана! – Сергей сделал шаг к мальчишке, но тот повернулся и резво бросился бежать, ловко лавируя среди людей.

Вот он нырнул за хлебный ларек, Сергей обошел ларек с другой стороны, пытаясь поймать паршивца, но вместо этого едва не получил в лицо маленькой проволочной пулькой, выпущенной из той же рогатки. Сергей успел закрыться рукавом, и пулька не причинила ему вреда. Мальчишка между тем уже бежал далеко. Встречный прохожий попытался схватить его за воротник, но только сдернул надвинутую на лоб засаленную шапочку, так что всем открылись рыжие, давно не стриженные патлы. Ничуть не огорчившись пропажей головного убора, мальчишка ввинтился в небольшую толпу людей, осаждавших долго не подходивший троллейбус, пролез у них под ногами и через секунду возник уже внутри возле заднего окна, мерзко гримасничая и показывая язык. Сергей махнул рукой и вернулся к Лене, которая пыталась носовым платком остановить кровь.

– Зайдем ко мне, – пробормотал он, – перевяжем рану.

Лена со вздохом согласилась: как бы она поехала в метро с такой дырищей на колготках.

У него было тихо и пусто. Когда Лена вышла из ванной, заклеив царапину пластырем, Сергей уже протягивал ей шкатулку с нитками и иголками. Лена уселась в кресло, он подвинул ей старинную лампу на бронзовой подставке и отправился готовить чай.

«Как скверно все сегодня получилось, – думала Лена, аккуратно подцепляя каждую петельку, – а все Жанка – мужчину, мол, нужно завоевывать! Но если разобраться, я вовсе не хочу никого завоевывать! Слова-то какие: приступ, осада – как на войне. И что делают потом с теми, кого завоевали? Грабят, истребляют жителей. В общем, завоевателей все боятся. А я не хочу, чтобы любимый человек меня боялся, я хочу, чтобы нам было хорошо вместе, чтобы он меня любил и заботился обо мне...»

Сергей вошел с двумя чашками чая на подносе и остановился на пороге. Лена шила, лицо ее было спокойно и сосредоточенно, как у женщин всех времен и народов за выполнением истинно женской работы. Волосы она заколола гладко, чтобы не мешали. Услышав его шаги, она подняла голову и улыбнулась ему одними глазами, ласково и терпеливо. Он с трудом донес чашки до стола, потому что от ее улыбки у него почему-то задрожали руки...

Лена перекусила нитку, как это делают все женщины со времен сотворения мира, отложила шитье и подошла к окну. На улице шел снег – наступила наконец самая настоящая зима, середина декабря, скоро Новый год. Вся улица была разукрашена светящимися гирляндами, на площади у метро стояла огромная елка, увешанная разноцветными фонариками. Лена прижалась лбом к стеклу и постояла так, любуясь на огоньки.

Что-то Сережи долго нет. Она соскучилась за день, хочется скорее увидеть его, прижаться крепко...

Лена засмеялась. Вот как раз прижаться крепко в последнее время и не получается. Платье туго обтягивало живот. Пожалуй, нужно купить что-нибудь посвободнее. Беременность уже заметна, но ходить пока не тяжело, поэтому, услышав, как в замке поворачивается ключ, она бегом устремилась в прихожую.

– Сегодня исполняется семь месяцев со дня нашего знакомства! – торжественно объявил Сергей. – Я целый день об этом думал, и кое-что пришло мне в голову. Завтра выходной, мы идем в Эрмитаж. Тебе нужно больше ходить и смотреть на красивое...

В Эрмитаже Сергей потянул жену в сторону огромных пустынных залов, заполненных античными скульптурами.

Здесь было совсем мало посетителей, зато сами статуи казались живыми. Они внимательно, с любопытством смотрели на Лену и, казалось, шептались о чем-то за ее спиной. Суровые римские императоры, философы, полководцы хранили свои древние тайны, гордые римлянки и гречанки поправляли мраморные прически, ревниво сравнивали себя с немногочисленными современницами, торопливо проходящими по полутемным залам.

Сергей вел жену к какой-то только ему известной цели.

Они миновали очередную Венеру, вошли в следующий зал и наконец остановились перед небольшой статуей...

Мраморный мальчишка на вид лет девяти прятал лук и стрелы в складках хитона и ехидно улыбался. Казалось, он сейчас подпрыгнет на одной ножке, рассмеется пронзительно и покажет язык. Лена вспомнила чумазую рожицу и нестриженные рыжие кудри, нога вспыхнула забытой болью, ей показалось даже, что по щиколотке течет кровь...

– Но это же...

– Ну да, – улыбнулся Сергей, – это я и хотел тебе показать.

«Амур, – прочла Лена на табличке, – римская копия греческого оригинала».

Наталья Борохова. С Новым годом, адвокат!

За окном хлопьями падал почти прошлогодний снег, а в небольшой сумрачной комнате, укрытой от всего мира плотными портьерами, было тихо и душно.

– Ну что, молодая, красивая... – ворковала гадалка, раскидывая на скатерти карты. – Погадаем?

Валентина кивнула. Откровенно говоря, она не верила в предсказания, линии судьбы, гадания на кофейной гуще и прочие глупости. Но иногда в жизни человека, особенно женщины, наступает момент, когда ожидание чуда становится невыносимым. Тогда мы очертя голову кидаемся к колдуньям, знахарям, гадалкам, бабкам, ожидая услышать подтверждение того, что наша жизнь катится по правильному курсу и не за горами счастливые перемены. Такой момент наконец наступил и для Валентины, адвоката по уголовным делам и обыкновенной незамужней женщины, в тридцать семь лет встретившей своего принца.

«Господи! Я разумная, образованная женщина, – рассуждала она, глядя, как высокая, сухопарая старуха с седыми патлами тасует карточную колоду. – Что я здесь делаю?»

Она попыталась встать, но гадалка одним взглядом из-под нависших бровей усадила ее на место.

– Лампу не засти, – сказала она, махнув рукой. – Сядь!

Валентина послушно бухнулась на жесткий стул.

Бабуля продолжала колдовать над колодой, умудряясь держать в узловатых пальцах карты и одновременно курить. Удушливый дым серой завесой висел над столом, бесцеремонно лез в ноздри, и Валентина чувствовала, что еще немного, и она сама начнет извергать искры. Разум отказывался ей служить. Казалось, она уже не сидит на стуле, а парит где-то под потолком, на уровне оранжевого абажура, видя себя со стороны.

Наконец бабка вытащила из колоды первую карту. На стол лег король.

– Он? – спросила она, хитро щуря глаз. – Можешь не отвечать. Сама вижу, что он...

Король был симпатичным. В голову Вали забралась крамольная мысль, что он куда красивее ее жениха, Вадика. Тот, конечно, тоже ничего, но... Впрочем, о чем говорить, когда тебе уже тридцать семь лет и ты никогда не была замужем?

Гадалка кинула очередную карту, и поверх короля легла дама.

– А это я? – спросила Валентина, блаженно улыбаясь.

Она уже готова была согласиться со своей подругой Ленкой и признать, что визиты к гадалке действуют не хуже, чем сеансы психотерапевта, как вдруг старуха отчаянно затрясла головой.

– Нет, это не ты! – сказала она и выпустила в воздух очередное кольцо дыма.

Старушка, конечно, была подслеповата, и Валентина нашла нужным ее поправить.

– Конечно, я не блондинка... – начала она, наматывая на палец каштановую прядь.

– Даже если бы ты сейчас была крашеной брюнеткой, – сказала бабка. – Все равно это не ты!

– Но что тогда делает эта... женщина на моем женихе? – спросила она с расстановкой, указывая на даму, которая, нахально улыбаясь, разлеглась поверх беспомощного короля.

– Она его кроет, – сказала бабка.

– Вы хотите сказать, клеит?

– Я уже все сказала! – рявкнула гадалка. Она, должно быть, недоумевала, почему ее клиентка столь недогадлива.

– Но этого не может быть! – упрямо тряхнула головой Валя. – У нас с Вадиком все замечательно. Мы с ним обязательно поженимся. Он работает в банке. Мы даже думаем насчет ипотеки...

На бабушку ее защитительная речь не произвела никакого эффекта. Должно быть, Валька была посредственным адвокатом.

– Я даже знаю его родителей. Вот! – выдала она последний, самый, на ее взгляд, убийственный аргумент.

– Не знаю, не знаю, – покачала головой старуха. – Может быть, только не с ним...

«Да таких отвратительных старух нужно сажать в тюрьму! – зло подумала Валентина, в спешном порядке находя для ведьмы подходящую статью. – Она – мошенница, вот кто она! А я – самая настоящая дура, раз ей поверила».

Но бабушка продолжала расшвыривать колоду, словно не замечая недовольства своей клиентки.

– Глянь-ка, милая, – сказала она наконец, показывая длинным пальцем в самую гущу карт. – Видишь? Предложение тебе и скорый брак.

Валентина отчаянно уставилась в карточную мешанину, словно стараясь разглядеть лежащее там свидетельство о браке с подписью жениха. Бабушка продолжала сыпать пепел на стол и себе на колени. Рассуждения ее звучали путано.

– Черт тут разберет, – жаловалась она. – Две семерки на туза. Валет с дамой в угол. О! Вижу какой-то казенный дом...

– Следственный изолятор, – обрадовалась Валентина. – Я же адвокат! – Но тут же насторожилась: – Вы что хотите сказать, что мне сделают предложение в следственном изоляторе? Только этого мне не хватало!

– Не знаю, не знаю. То ли камера какая, то ли ящик, – бормотала старуха. – Но свадьба будет. Это я могу сказать точно...

Валентина была недовольна гаданием и полагала, что старуха, конечно, все перепутала. Ленка встретила ее жалобы без особого сочувствия.

– Не пойму, на что ты жалуешься? – сказала она в телефонную трубку. – Тебе нагадали свадьбу?

– Да. Но не с Вадиком! – огорченно молвила Валентина. Она уже вышла от старухи и, стоя во дворе старого пятиэтажного дома сталинской постройки, ворошила сапогом снег.

– Голова твоя садовая! – продолжала возмущаться Ленка. – Разве можно гадание воспринимать буквально? Это же... ну как тебе сказать? – что-то такое... потустороннее. Вереница образов и мыслей. Твоя задача угадать смысл. Ну что там еще говорила моя гадалка?

– Если вывести ее слова в цепочку, то получится следующее. Измена – казенный дом – предложение руки и сердца – какой-то ящик. Гроб, наверно. Ну и наконец, свадьба.

– Наверняка последние звенья нужно поменять местами, – глубокомысленно изрекла подруга. – Сначала свадьба. Ну а потом гроб.

– Спасибо, – обиделась Валя.

– Да брось ты сопеть! – сердито отругала ее Ленка. – Все будет как надо. Вот увидишь! Ты выйдешь замуж за Вадика, а какого-нибудь твоего клиента посадят в казенный дом. Вот и вся недолга!

– Точно, – обрадовалась Валентина. – У Мурашкина завтра приговор. Прокурор уже запросил шесть лет.

При других обстоятельствах такой прогноз ее вряд ли обрадовал бы – все-таки Валентина была адвокатом и привыкла относиться к своим обязанностям добросовестно. Бандит Мурашкин, с пальцами, сложенными от рождения веером, лично ей ничего плохого не сделал и не должен был стать разменной картой на столе гадалки. Но на кону стояло личное счастье, и Валентина, как истинная женщина, выбирая между долгом и зовом своей неудовлетворенной души, конечно, предпочла, чтобы жертвой стал именно Мурашкин.

– Ну вот видишь, как все хорошо устраивается, – порадовалась за нее подруга. – А у меня для тебя сюрприз! Не хотела говорить... Ну да ладно. Завтра тридцать первое декабря. Вроде как от меня тебе маленький презент будет. Видела вчера твоего Вадима в ювелирном...

– Да? А что он там делал? – озадаченно проговорила Валентина. У нее даже руки, замерзшие на крепком декабрьском морозце, вдруг стали горячими.

– Не поверишь! – голос подруги задохнулся от предчувствия сенсации. – Он кольцо выбирал.

– Кольцо?!

– Да! Симпатичное такое. С бриллиантом, – выдохнула Ленка. – Я в сторонке стояла, вроде как витрину рассматривала, а он не заметил. Просил продавца красиво оформить коробочку. Знаешь, мне почему-то кажется, что он тебе сделает предложение завтра. Под Новый год. Ну как тебе мое предсказание?

– Ленка... это, – Валентина не могла поверить, – это потрясающе!

– Да ладно, – самодовольно согласилась подруга. – Знаешь что? Возьми завтра мою шубу норковую. Ту, что подолом в пол... Сережки с бриллиантами. Вроде как в комплект.

– А зачем? – удивилась Валя.

– Голова твоя садовая! – упрекнула ее трубка. – Ты обязана выглядеть в такой день сногшибательно. Неужели у тебя хватит ума пойти на свидание с Вадимом в своем пуховике? Не дай бог, он подумает, что ты ему не ровня.

– Ты права, – покорно согласилась Валька. – Как ты все это хорошо придумала.

Конечно, Ленка была куда сообразительнее ее. Может, поэтому она уже десять лет как была замужем и нянчила двух очаровательных девочек-близнецов.

– Да ладно, – усмехнулась подруга. Ей всегда нравилось, когда ее хвалили. – Надеюсь, пригласишь на свадьбу. Ну а сейчас не теряй времени. Рули ко мне за шубой. С утра ты должна быть при полном параде...

Она и вправду словно собралась под венец. Рассматривая себя в зеркале ранним декабрьским утром последнего дня года, Валентина не находила в своем облике ничего знакомого. От природы невысокая и коренастая, она выглядела сегодня на несколько сантиметров выше, и это придавало ей уверенность и задорный вид. Конечно, все дело было в каблуках, которые она наконец решилась надеть, да норковой шубе, длинной, почти до пят. На высокой, модельного типа Ленке меховое манто, конечно, смотрелось более естественно, а у Валентины подол волочился по полу. Но разве это могло ее смутить? Глаза ее блистали подобно бриллиантам, которые она сегодня надела в уши. Губы казались соблазнительнее, овал лица четче, а шея – изящнее. Ее серая неброская внешность вдруг заиграла неожиданными красками, словно она сбросила привычное невзрачное оперенье, представ перед публикой в образе жар-птицы, лицо преобразилось, плечи расправились.

Сегодняшний день, впрочем, как и неумолимо надвигающаяся новогодняя ночь, принадлежали только ей...

– ...признать виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 163, частью второй Уголовного кодекса Российской Федерации, и назначить наказание в виде четырех лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, – монотонно читал судья. – Мэру пресечения изменить. Взять под стражу в зале суда.

На запястьях Мурашкина щелкнули наручники. Сердце адвоката возликовало. Все-таки гадалка была права. Вот он, казенный дом!

– Подсудимый, приговор понятен? – спросил судья.

- Так точно, – пробасил Мурашкин.
- Как обжаловать, ясно?
- Конечно, начальник.
- Тогда судебное заседание объявляется закрытым.

Судья стукнул молоточком, а потом с ехидством взглянул на защитника.

- Прекрасно выглядите, адвокат!

Валентина смутилась, уловив нотки иронии в словах судьи. Конечно, сейчас она мало походила на защитника, проигравшего процесс. Ее неброский черный костюм, который служил ей бессменной униформой на протяжении десяти лет адвокатской деятельности, был бы сейчас куда уместнее, чем узкая юбка и приталенный жилет. Но откуда председательствующему знать, что в этот день решается ее судьба?

Придав лицу максимально грустное выражение, она поспешила к своему подзащитному. Тот уже вовсю вживался в жизнь, которую не так давно оставил, и посмотрел на защитника исподлобья.

– Не печальтесь, адвокат. Все будет пучком! – сказал он, и Валентина согласно кивнула. У нее определенно не было повода для печали. Сейчас она поедет в магазин и выберет какое-нибудь дорогое шампанское, которым они с Вадимом отпразднуют начало новой жизни... – Я вам там денег немного должен, – вспомнил Мурашкин. – За защиту.

Валентина только махнула рукой, что могло означать: «Пустяки. Какая мелочь!» или же «От тебя все равно не дождешься».

- Так я вам долг верну, – пообещал Мурашкин.

– Ага! – сказала Валентина, ни на секунду не поверив в то, что такое может произойти. Если можно было бы выразить в деньгах все обещания, авансы на словах, уговоры и похвалы, которые Валентина получила за десятилетнюю адвокатскую практику, она могла бы запросто купить квартиру, шубу, как у Ленки, да еще и на бриллианты в уши хватило бы. Но Валька отнюдь не была акулой адвокатского бизнеса. Может быть, поэтому она до сих пор снимала квартирку в спальном районе, пересаживалась с метро на автобус и несколько лет носила один пуховик.

– Верну. Век свободы не видать! – крикнул Мурашкин, чувствуя, как рука конвоира требовательно толкает его в спину. – Там человек от меня придет и принесет вам все до копейки.

Валентина кивнула и поспешила к выходу. Мурашкина ждал казенный дом, а ее – предложение руки и сердца...

Они встретились с Вадимом на их излюбленном месте в парке. Вчерашняя непогода сменилась оттепелью, и снег на дорожках потек, на глазах превращаясь в лужицы. Не верилось, что до Нового года осталось несколько часов.

- Ты прекрасно выглядишь, – повторил ей комплимент судьи Вадим.
- Спасибо, ты тоже, – соврала Валентина.

На самом деле Вадим выглядел немного усталым. Должно быть, всему виной был яркий солнечный свет, позволяющий увидеть тени под глазами и первую сеточку морщин. А может, его утомила насыщенная банковская жизнь, наполненная до отказа стрессами, напряженными переговорами, нервными клиентами и бессчетными чашками крепкого кофе. Во всяком случае, Валентина к его проблемам относилась с пониманием.

– Какие планы на вечер? – спросила она игриво. – Может, закатимся куда, а потом пойдем ко мне?

Она многозначительно посмотрела на свою сумочку, откуда торчало горлышко в золотистой обертке.

– Валентина, – начал Вадим, и голос его сорвался. – Валя... гм. У меня на этот вечер другие планы.

– Ну что ж! Очень интересно, – подыграла она ему. В самом деле, разве не мужчина должен проявлять в таких делах инициативу?

– Боюсь, ты на меня рассердишься...

Он был уморителен! Должно быть, у него свой стиль делать девушке предложение. Вадим вытащил из кармана бархатную коробочку и протянул ее Валентине:

– Вот. Это тебе.

Она взвизгнула и едва не повисла у него на шее, но вовремя вспомнила, что он никогда не любил открытого проявления чувств, тем более среди белого дня да еще на людях. Приняв в руки коробочку, она оттягивала счастливый момент. Конечно, трудно ждать от Вадима, что он упадет перед ней на одно колено и произнесет заветные слова. Но он все равно большой оригинал, потому что предложил ей подарок в заснеженном парке, а не за новогодним столом, как сделал бы на его месте любой заурядный человек.

Дрожащими пальцами она открыла коробочку и не поверила своим глазам...

Внутри, на синем бархатном фоне, лежали мужские запонки. Те самые, с золотым напылением и рисунком эмалью, которые она ему подарила на мужской праздник.

– Что это? – произнесла она ошеломленно.

– Видишь ли, Валюша. Я тут подумал про нас и решил, – начал он, старательно подбирая слова. – Мы с тобой люди разные. Ничего у нас наверняка не получится. Мне кажется, лучше расстаться по-хорошему. Добрыми друзьями.

– Но до сих пор у нас все получалось! – вскричала Валентина, не веря своим ушам.

У нее не было никаких сомнений, что Вадим решил ее разыграть и что не пройдет минуты, как он возьмет свои слова обратно, заберет чертову коробочку с запонками, а из другого кармана достанет футляр с обручальным кольцом. Но секунды шли, превращаясь в минуты, а брови любимого, сдвинутые на переносице, и не думали возвращаться в привычное, расслабленное состояние. Его рот был сжат, а взгляд казался таким колючим, что в этот погожий декабрьский день, когда с крыш капала капель, в ее ушах заунывно завывала метель.

– Что ты молчишь? – набросилась она на Вадима, уже не заботясь о том, как она выглядит со стороны. – Скажи мне, что ты пошутил! Ты меня разыгрываешь, да? Ну не будь жесток, сознайся!

– Это не шутка, Валюша. Я говорю с тобой всерьез.

Она еще раз заглянула в его холодные глаза:

– Но почему? Ради всего святого, почему? Тебе что, было со мной плохо? Мы гуляли, ходили вместе в кино, сидели в кафе. Мы спали с тобой вместе, в конце концов!

– Тише ты. Люди же слышат, – упрекнул ее Вадим.

– Пусть слышат! Все знают, что, когда мужчина и женщина любят друг друга, они спят вместе. Они занимаются любовью! Так, что ли, это правильно называется? Любовью, понимаешь?

Вадим настороженно смотрел по сторонам, опасаясь увидеть в парке своих знакомых. Сцена прощания начала его утомлять. Ему казалось, что она сейчас играет роль, которую он уже где-то видел, то ли в кино, то ли в театре. Неубедительная роль для заурядной актрисы. Ему становилось скучно.

– Неужели мы не можем расстаться с тобой как интеллигентные люди? – шипел он. – К чему все эти сцены, твои упреки?

– Нет уж, будь любезен, скажи, чего тебе не хватало! – кричала она, ударяя его кулаками в грудь.

– У меня другие потребности, – проговорил он сквозь зубы, уже жалея, что вытащил ее в парк. С такими истеричными женщинами следовало разговаривать в наглухо закрытом помещении, с глазу на глаз. Иначе позора не оберешься!

– Значит, я не могу удовлетворить твои потребности? – завелась она, получив тему, которую можно развивать бесконечно. – И чем я не отвечаю твоему вкусу? Может, я стара для тебя?

Да уж! Совсем не девочка. Тридцатисемилетняя невеста в белом платье никак не могла стоять с ним рядом перед алтарем.

– Что ты! Ты вполне еще ничего, – бормотал он, опасаясь, что его резкость приведет к еще более печальным последствиям.

– Ничего! Вот именно *ничего*, – проговорила она, глотая слезы. – Я ничего для тебя не значила. Ты мной только пользовался.

– Ну вот. Только не начинай опять! – взмолился он. – Поверь, у тебя все еще будет хорошо. Ты встретишь человека. Он тебя полюбит. У вас родятся дети, а обо мне ты забудешь.

– Ты нашел кого-то? – спросила она, и слезы у нее на щеках высохли. – Она блондинка? Молодая? Она работает с тобой?

В ее глазах стояла сейчас приторная дама бубен, которую она видела вчера на столе гадалки. Роскошная дева с розой в руке хищно улыбалась ей с засаленной картонки и пышным плечом оттирала от нее крестового короля.

– Ты уверена, что тебе это непременно нужно знать? – спросил он с болезненной гримасой на лице. Его всегда пугало умение женщин видеть людей и явления насквозь. При полном отсутствии логики и здравого смысла. Вот и сейчас его бывшая возлюбленная попала в самую точку. Молодая блондинка из операционного зала его банка пленила его сердце все-рез и надолго.

Валентина покачала головой. Она не хотела усугублять свою печаль. К чему ей знать то, что и так очевидно. Избранницей Вадима могла быть только молодая красивая девушка. Такая, как та, что улыбалась с календаря в его комнате. Красотка с пышной грудью только скалилась, когда они гасили свет, укладываясь на ночь. Ей-то доподлинно было известно, что эта связь не будет долгой и пройдет не так уж много времени, когда на порог одинокого холостяцкого жилья ступит совсем другая девушка, молодая и раскованная.

– А запонки зачем вернул? – спросила Валентина, уже немного успокоившись.

– Я не хочу, чтобы ты думала обо мне плохо, – пафосно заявил Вадим и, развернувшись, зашагал прочь.

Валентина растерянно смотрела ему вслед. Уже подходя к калитке в чугунном заборе, он вдруг обернулся. Ее сердце пропустило удар. А вдруг?

– Кстати, с Новым годом! – прокричал он и, взмахнув на прощание рукой, навсегда исчез из ее жизни.

Смеркалось. Пошел мелкий снег. На дорожке в парке продолжала стоять женщина в нелепой шубе до пят...

К своему дому Валентина подошла, когда стало совсем темно и все нормальные люди уже заканчивали приготовления к празднованию Нового года. Кто-то умчался в гости, кто-то – в ресторан или на природу. Ну а кому-то посчастливилось остаться в кругу семьи, и теперь они в спешном порядке сервировали праздничный стол, раскладывали по тарелкам неизменный оливье, жаривали гуся и одним глазом смотрели «Иронию судьбы».

Валентина знала, что в тихой пустой квартире ее никто не ждет. Никто не завалится к ней в полночь с шампанским в руках, а по телефону поздравят разве что родственники. Даже

Ленка и та звонить не будет – побоится помешать влюбленной паре объясниться. Ведь она на сто процентов уверена, что в эту ночь холостой жизни подруги наконец-то придет конец.

Валентина представляла, как тоскливо будут тянуться часы до полуночи, а потом, когда во всех квартирах взорвется шампанское и раздадутся хмельные вопли, знаменующие приход Нового года, ей и вовсе станет не по себе. Она уже давно убедилась на своем опыте, что одиночество ощущается сильнее всего в праздники, в выходные и погожие летние дни, поэтому вихрю новогоднего конфетти давно предпочитала серые будни, в унылой веренице которых она находила успокоение. Калейдоскоп лиц воров, насильников, убийц казался ей кадрами из ее семейной хроники. Клиенты давали ей больше, чем деньги, – они подтверждали ее значимость, они в ней нуждались. Это хоть как-то оправдывало ее существование. Но в праздники замирали даже тюрьмы, и ей, в отличие от ее друзей-уголовников, в эти дни решительно нечем было заняться.

Так было до момента, когда в ее жизни появился Вадим. Он расцвел ее жизнь яркими красками и вдохнул надежду на то, что серая полоса наконец закончилась. Но теперь Вадим ушел, и привычная тоска, ее давняя подруга, шла за ней по пятам...

Возле лифта топтался молодой человек. Несмотря на то, что Вале сейчас не было дела ни до чего на всем белом свете, она невольно замерла, увидев перед собой высокую ладную фигуру в более чем странном одеянии.

– Я на маскарад! – жалобно произнес он, не отводя глаз от кнопки лифта. Где-то наверху открывались и закрывались двери – похоже, какая-то веселая компания никак не могла найти нужный этаж. – Должно быть, я выгляжу сейчас как настоящий кретин!

Валентина ничего не ответила незнакомцу, только пожала плечами. Наступала новогодняя ночь, прекрасное время для шуток, розыгрышей, балов и маскарадов. Стоило ли удивляться, что рядом с ней дожидается лифта кто-то очень похожий на персонажа американского вестерна?

Мужчина был одет в клетчатую рубашку и жилет из старой, потертой кожи. Голубые джинсы он заправил в высокие сапоги с пряжками на голенище, а на голову водрузил ковбойскую шляпу. Под широким ремнем с огромной металлической бляхой торчал револьвер, должно быть, купленный по случаю в «Детском мире». Смех, да и только. Если бы на ее глазах еще не было слез...

– Я – Зорро! – подтвердил ее предположения незнакомец. Говорил он глухо, что, впрочем, не казалось удивительным, ведь нижняя часть лица у него была закрыта черным платком.

– Я – Валя, – неохотно сообщила Валентина.

Ей все равно, похож ли незнакомец на киногероя, и ровным счетом нет дела до его влажных темных глаз, осененных густыми ресницами. Он был жгучим брюнетом, и многие девчонки сочли бы его красавцем. Темные, с отливом, волосы, эффектные брови и высокая спортивная фигура – все это уже чересчур. Валентина знала такой типаж. Тупые, самовлюбленные придурки – прекрасная наживка для юных идиотов. К последней категории, Валентина себя причислять не желала и отвернулась.

– Черт возьми! Они закончат сегодня кататься или нет? – пробурчала она недовольно. – Некоторые люди воспринимают лифт как аттракцион в парке, на котором можно развлекаться и при этом еще и не платить!

– А вам высоко подниматься? – спросил ее незнакомец.

– А вам до этого какое дело? – с вызовом спросила она.

– Да, в общем-то, мне все равно, – пожал плечами Зорро. – Просто, если вы торопитесь, проще будет пойти пешком. Вас там, наверно, муж ждет, – он прошелся глазами по ее полноватой фигуре. – И дети...

Последнее замечание задело Валентину за живое. Конечно, в ее возрасте любой приличной женщине уже впору обзавестись мужем и детьми, этот клоун в костюме Зорро прав. Но какой же он все-таки негодяй!

– Конечно, меня ждут! – выпалила она зло. – Муж... Между прочим, красивый и богатый, – она со значением оттянула мочки ушей, показывая бриллианты, и запахнула ворот норковой шубы, словно ей жутко мешал сквозняк. Черт знает почему, но ей хотелось выглядеть в глазах этого незнакомца успешной, богатой и главное – любимой. Пусть эта иллюзия только на пять минут. Пусть! – А пешком я все равно не пойду, – добавила она. – Мне подол мешает. А вот вам можно было бы и прогуляться. Кстати, где вы привязали свою лошадь? У подъезда?

В его красивых глазах отразилась улыбка.

– Вы забавная, – ответил он. – Сказать по правде, я не тороплюсь. Давайте подождем лифт вместе.

Валентина промолчала и с надеждой посмотрела на кнопку. Та мигнула в очередной раз, и раздался мерный гул. Кажется, кабина пошла вниз. Она вздохнула. Еще несколько минут, и она будет дома...

Распахнулись двери, из лифта вышло двое детей: девочка в костюме феи и мальчик, наряженный Питером Пэном.

– Вау! – сказал мальчишка, увидев незнакомца в сапогах. – Вы, должно быть, в сорок вторую квартиру. Там сейчас жуткий кавардак! Мне мама сказала немедленно идти домой и не болтаться под ногами у взрослых. Будто бы Новый год – не детский праздник!

– Твоя мама совершенно права, – сердито проговорила Валентина, оттирая детей в сторону. Она спешила так, словно в квартире ее и в самом деле дожидался молодой и богатый муж. – Не мешайтесь под ногами, дети!

Но противные ребятишки были, по всей видимости, плохо воспитаны. Они не только не уступили ей дорогу, но девчонка еще и ткнула в шубу пальцами.

– А почему тетя без костюма? – спросила она, обращаясь к мужчине. Должно быть, она воспринимала их за пару.

– А кто тебе сказал, что она не одета? – удивился Зорро. – У нее просто такой костюм.

– Серой норки? – удивилась девочка.

– Должно быть, это крыса из «Золушки», которую в двенадцать часов превратят во что-нибудь интересное, – заявил мальчишка.

Терпение Валентины лопнуло. Устами младенца глаголет истина! Она ощущала себя сейчас злой, серой крысой и ничуть не жалела, что у нее нет детей.

– Вы едете или нет? – раздраженно спросила она незнакомца.

– Да, конечно, – сказал он. – А разве вы не любите детей?

– Не много ли вопросов для случайного попутчика?

Двери закрылись.

– Может, теперь вы скажете, какой вам нужен этаж? – спросил Зорро, как галантный кавалер.

– Седьмой. И побыстрее, пожалуйста, – заявила она.

Он пожал плечами.

– В нашем распоряжении не ракета, а всего лишь обыкновенный лифт. Даже не скоростной, – сказал он и нажал на кнопку двенадцатого этажа.

Ну вот! Ко всему прочему он еще и глухой.

– Мне нужен седьмой этаж! – возмутилась Валентина.

Темные глаза выразили недоумение.

– Да?! А я на какой нажал?

– Вы что, сами не видите? Мне недосуг болтаться с вами всю ночь!

– Боюсь, вам придется потратить на меня немного вашего драгоценного времени, – сказал он глухо. – Впрочем, все зависит от вас. Гоните шубу и бриллианты! Чем быстрее вы это сделаете, тем скорее я вас отпущу домой к мужу.

– Вы что, с ума сошли? – сказала она, не понимая до конца сути его требований.

– На этот раз я совершенно серьезен, – сказал он и еще раз нажал на кнопку. Лифт пошел вниз.

– Слушайте, если вы репетируете на мне свой выход на маскараде, то совершенно напрасно. Я плохо понимаю шутки, – пробормотала Валентина и попыталась улыбнуться. Губы казались резиновыми.

Зорро достал из-за пояса револьвер и прижал дуло к ее виску. Кожа ощутила холод металла. Должно быть, Валя все-таки ошибалась, полагая, что игрушка стреляет пластмассовыми пулями. Влажные темные глаза красавца смотрели на нее в упор. В них не было даже искорки смеха.

– У вас проблемы со слухом? – спросил ее он. – Вам помочь?

– Нет, я сама...

Из уст Валентины вырвался только беспомощный шепот. Она взялась за застежку. Первая. Вторая. Лифт опять пошел вверх, а шуба упала вниз, на пол.

– Теперь серьги, – деловито приказал незнакомец, аккуратно складывая норку.

Мгновение, и бриллиантовые слезы исчезли в карманах его джинсов, а на глазах Валентины появились слезы настоящие.

– Не горюйте! – сказал незнакомец. – Муж вам купит новые. Сами говорили, он у вас богатый... Но я тут заболтался с вами. Мне пора. Кстати, с Новым годом!

Каков подлец! Жизнь еще раз подтвердила истину, которую Валентина вывела для себя уже давно: все красивые мужчины – или самовлюбленные придурки, или бандиты. Женщина ткнула лбом в стену, не в силах смотреть, как исчезнет вместе с незнакомцем Ленкина шуба и ее бриллианты.

Кабинка дернулась два раза и наконец остановилась.

На несколько секунд повисла тишина. Валентина ждала, когда разбойник ее оставит в покое, но он почему-то не спешил, тыкая пальцами во все кнопки подряд.

– Черт! – раздался протяжный стон.

– Что такое?

– Черт! Ну почему мне так не везет?! – взмолился он и что было силы ударил ногой по двери. – Лифт застрял!

Застрял?! Этого еще не хватало! Валентина была огорчена не меньше, чем разбойник. Неужели ей придется торчать здесь, пока лифт не починят? Да кто его починит-то в новогоднюю ночь?

– Попробуйте нажать на другой этаж, – предложила она вежливо. – Может, кнопку заклинило?

– Пробовал. Не получается! – едва не плача, сообщил бандит.

Валентина подошла к пульту и принялась сама нажимать кнопки. Безрезультатно. Лифт не подавал признаков жизни.

– Нет, я всегда знал, что ничего путного из этой затеи не выйдет! – продолжал сокрушаться Зорро. Он метался по кабинке, как зверь, попавший в капкан. – Пошел на дело, и вот тебе, здрасьте! Провались все пропадом! Кто-нибудь здесь следит за технической исправностью лифта? Куда, черт подери, подевался лифтер?

Он остановился.

– Подержите-ка пока шубу! – мягкий сверток, все еще хранивший запах духов, оказался в руках у Валентины. – Да не кладите ее на пол! – распорядился он. – Еще запачкаете!

«Какая мне теперь разница, запачкается она или нет», – тоскливо подумала Валя, но вслух выразить свои мысли не решилась. Все-таки она была адвокатом по уголовным делам и знала, что в критических ситуациях бандиту лучше не перечить.

Тем временем Зорро попытался раздвинуть дверцы руками. Валентина почти что видела, как вздулись под клетчатой рубашкой стальные бугры мышц.

Но усилия атланта оказались бесполезны. Мужчина уставился на дверь с отчаянием экстрасенса, пытаясь воздействовать на капризную технику силой мысли. Но и здесь его способностей оказалось недостаточно. Коробка, обшитая пластиком, стояла насмерть.

– Ну и что мы теперь будем тут делать? – спросил он.

Неизвестно, был ли вопрос адресован Валентине, но она разом подобралась в комок. Взгляд незнакомца вновь обратился к ней. Должно быть, он соображал, как лучше с ней поступить. Она же отчаянно вспоминала приемы самообороны и корила себя за то, что не нашла времени посещать соответствующие курсы в спортивном клубе. Вот были бы у нее первоначальные навыки, тогда бы она – трах! Бабах! Мигом бы уложила подлеца на лопатки. Но по физкультуре у Валентины всегда была твердая тройка, и она с огорчением поняла, что самооборона – не ее конек. Стало быть, нужно действовать тем, что по праву считается орудием профессионального мастерства адвоката, – языком. Бандита следовало разговорить. Вот только как подобрать тему? Спросить его про прогноз погоды на завтра?

– Почему вы на меня так смотрите? – не нашла она ничего лучшего для начала беседы.

– Бабушка, бабушка, почему у тебя такие большие глаза? – напомнил ей бандит сказку о Красной Шапочке.

Странно, но разбойникам, оказывается, тоже читали в детстве сказки. Это открытие обнадеживало.

– Почему вам не нравится, что я на вас смотрю? – спросил Зорро. – Хотите, отгадаю? Вы думаете, я хочу вас изнасиловать. Угадал?

Вот черт! Она сама подсказала бандиту то, что он может здесь с ней сделать! Нет, лучше все-таки было спросить прогноз на выходные.

– Нет, я – не насильник. Не знаю, чего вы там себе навывдумывали.

– Ничего такого я даже не думала!

– Врете, – осек ее он. – Зачем тогда вы вжались в этот угол и так смешно растопырили руки? Вы боитесь!

Валентина и вправду вспоминала фотороботы убийц, насильников и разбойников, развешанные в районном отделении милиции. Ей говорили, что в городе объявился очередной сексуальный маньяк. Может, это как раз он? Зря, что ли, он завесил нижнюю часть лица черной тряпкой? И ведь выбрал для нападения именно новогоднюю ночь. Стала бы она в любой другой вечер заходить в лифт вместе с незнакомцем в костюме Зорро! Вот впредь тебе и наука...

– Ну что молчите? От страха язык проглотили? – спросил он.

– Ничего я не боюсь, – собрав остатки воли в кулак, ответила она. – А руки я растопырила, как вы выразились, потому, что вы сняли с меня шубу и имели наглость заставить еще и держать ее. Отобрали, так уж сами тогда и держите!

– Скажите, какие вы смелые! – удивился он. – А чего тогда дрожите, если не от страха?

– От холода, – ответила Валентина. – А вы и не заметили, что здесь холодно? На улице, поди, не месяц май.

– Ну ладно. Пока стоите, можете накинуть на себя шубу, – разрешил бандит. – Только не застегивайте. Если двери распахнутся, мне нужно будет быстро уйти.

– С шубой? – уточнила Валентина.

– Так точно, с шубой, – ответил он.

Повисло долгое молчание. Они стояли друг напротив друга. В кабинке было так тесно, что его полусогнутое колено в джинсах касалось ее колена в тонком чулке. В этом не было никакой интимности, просто они устали стоять. От страха и усталости Валя едва держалась на ногах. Больше всего она сейчас хотела сесть на пол, подложив под себя чертову шубу.

Послышались шаги и приглушенный смех. Кто-то шел по лестнице.

– Опять лифт не работает, – ворчал мужчина. – Ну почему когда он нужен, то всегда не работает?

– Не драматизируй, – отвечал ему женский голос медленно и чуть-чуть пьяно. – Мы можем вполне пройти немного пешком.

– На четырнадцатый этаж? – поперхнулся попутчик.

– Да, на четырнадцатый! – игриво сказала дама. – Но чтобы тебе было не скучно, мы будем делать небольшие остановки.

Послышался шум возни, удивленный возглас, и пленники в лифте ощутили, что на двери навалилось что-то тяжелое. Раздался звук поцелуя и легкий смех. Валентина услышала даже чье-то учащенное дыхание и поняла, что это ее шанс. С отчаянием жертвы она кинулась на двери и замолотила по ним руками.

– Спасите! – закричала она.

Раздался женский визг и стук каблуков.

– Славик, слушай, там кто-то есть!

– Есть, есть! – отчаянно закричала Валентина. – Вызовите милицию. Меня здесь удерживают насильно.

– Славик, я боюсь! – завопила женщина.

– Заткнись, наконец, Диана! – прикрикнул на нее мужчина и, обращаясь к запертой двери, спросил: – Кто там?

– Это я! Я! – кричала пленница, подпрыгивая на месте. – Запомните приметы преступника. Я вам сейчас все скажу...

– Не дури, Валентина! – схватил ее за руки Зорро. – Зачем пугаешь людей? При чем тут милиция?

Его лицо нависло над ней. Она видела его глаза, сведенные на переносице брови и даже ощущала его дыхание под платком.

– Спасите... – пискнула она.

– Эй, у вас все нормально? – спросил мужчина, стукнув кулаком в дверь. – Там кто? Какая такая Валентина?

– Валентина с седьмого этажа! – ответил за нее Зорро. – Не волнуйтесь, ступайте себе домой. Да, и вызовите лифтера!

– Мужик, у вас все нормально? – раздался обеспокоенный голос.

– Все пучком! – ответил бандит. – Да идите же скорее! Нам и без вас есть чем заняться. Правда, дорогая? – его правый глаз по-настоящему подмигнул Валентине. Она онемела от ужаса.

– Пойдем, Диана! – сказал мужской голос. – Будто бы не знаешь, что они сейчас там делают. Эй ты, в лифте! Желаю успеха!

– Спасибо, и вам не скучать!

– Какое забытое чувство – заниматься любовью в лифте! – мечтательно отозвался женский голос. – Вот в тебе, Славик, ни капли романтики...

Парочка, ругаясь и пересмеиваясь, стала подниматься вверх по лестнице.

Опять наступила тишина. Валентина с трепетом ожидала, как отнесется бандит к ее своеволию. В каком-нибудь фильме он постарался бы ее убить.

– Зачем ты кричала? – упрекнул ее он, не заметив, как перешел на «ты». – Я же тебя не обижаю. Неужели шубу жалко?

– Это не моя шуба, – всхлипнула вдруг Валентина. – И не мои бриллианты. Я у подруги взяла. Напрокат.

– Но ты же что-то говорила про мужа? – недоумевал он.

– Нет у меня никакого мужа! Ни молодого, ни старого. И вообще, сегодня меня бросил жених. Насовсем! – она зарыдала в голос. – Так и сказал мне. А потом еще ты со своим дурацким пистолетом. Ну почему мне так не везет? Почему-у?

– Зачем ты мне наврала? – удивился бандит. – Неужели тебя в детстве не учили, что врать нехорошо?

– Мало ли, чему нас учили в детстве! – она сердито вытерла слезы рукавом шубы. – Тебя в детстве поди не учили нападать на людей?

– А я в детдоме воспитывался. Не было у меня никого, кто бы морали читал, – вдруг признался он. – Да и напал-то я в первый раз. И то, как видишь, неудачно.

– Ага! – усмехнулась Валентина сердито. – Сейчас скажешь, что тебе нужны деньги на лекарства больной матери. Все так говорят.

– Действительно нужны, – удивился он. – На лекарства и операцию. Откуда ты знаешь?

– Я адвокатом работаю, – неохотно призналась она. – По уголовным делам.

– Правда?! – почему-то обрадовался Зорро. – Почему-то я тебе не верю. Должно быть, опять врешь?

– Чистую правду говорю. Тебе что, удостоверение показать?

– Не надо удостоверение. Скажи лучше, как бы ты назвала мое нападение на тебя?

– Безобразием. Подлостью. Вероломством.

– Нет. Меня все эти эмоции не интересуют. С точки зрения закона, как это называется?

– Статья 162 Уголовного кодекса, то есть разбой. Нападение с целью хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, – процитировала она почти наизусть.

– Надо же, – удивился разбойник, словно проникнувшись сам к себе уважением. – И много за такое дают?

– От трех до восьми лет, если по первой части.

– А что, есть еще и вторая? – поинтересовался он.

– Конечно, – с готовностью ответила Валентина. – И это как раз твой случай. С применением оружия или предметов, используемых как оружие. Между прочим, от пяти до десяти лет за это светит.

– Это почему же так много? – возмутился Зорро.

– Потому что у тебя пистолет, – пояснила Валя. – Или, может, это у тебя игрушка?

– Не твоего ума дело! – огрызнулся злоумышленник.

– Не хочешь – не отвечай, – пожала плечами Валентина. – В принципе, по закону это без разницы, настоящий у тебя револьвер или детский пугач. Главное, что ты меня напугал до полусмерти.

– Как это без разницы? – Зорро вытащил из-за пояса оружие и несколько раз нажал на спусковой крючок. Раздался металлический щелчок. В кабине лифта запахло дымком. Потом он вынул из кармана пистон и продемонстрировал Валентине. – И вот за это десять лет? – возмутился он.

– Там еще третья часть есть, – вдруг вспомнила Валентина. – Если имущество потерпевшей потянет на особо крупный размер, ты получишь пятнашку.

– Пятнашку чего? – не понял Зорро.

– Пятнадцать лет, – гордо пояснила она.

– А сколько это – крупный размер?

– Миллион рублей.

– Ну-у, – протянул Зорро. – Миллиона тут точно нет.

– А ты почему знаешь?

– Шутишь? Миллион за облезлую норку, которую твоя подруга носила уже пару лет, да за эти убогие стекляшки? – он вытащил из кармана бриллианты, подержал их на ладони так и эдак. Камушки блеснули гранеными боками. – Стекляшки! – констатировал он.

– Зачем тогда брал, если стекляшки? – напустилась на него Валя. – Отдавай обратно.

– Не отдам! Мне долг платить нечем.

– Ага! – обрадовалась Валентина. – Сначала говорил про лекарства, теперь про долг. Ну и кто из нас больший вун?

– Операция и долг, между прочим, между собой тесно связаны, – тихо проговорил Зорро.

– Ну да! Ну да! – с готовностью закивала пленница. – Матушки у тебя нет, значит, в операции нуждаешься ты! – Она осмотрела его ладную спортивную фигуру с головы до пят и пренебрежительно фыркнула: – Судя по твоему «хилому» виду, ты задумал испробовать на себе чудеса пластической хирургии.

– Откуда ты знаешь? – удивился Зорро.

– Оттуда, что я – адвокат. Мне часто приходится иметь дело с такими врунами, как ты. Один обвиняемый в хранении наркотиков клялся мне, что героин ему подкинули. Другой нашел пистолет в подъезде. Но самый вопиющий случай – третий. Представляешь, мой клиент доказывает мне, что потерпевший сам налетел на нож!

– Такое бывает.

– Да, – усмехнулась она. – Только сделал он это десять раз подряд, затем зачем-то обрушил себе на голову кирпич и спрыгнул с десятого этажа. Каково? И всю эту ерунду я обязана выслушать и посоветовать, как лучше защищаться. А ты удивляешься, откуда мне все про тебя известно. Да я таких, как ты, вижу насквозь!

– Так уж насквозь?

– Разумеется!

– Зачем тогда потащила со мной в лифт?

– Это ошибка, о которой я буду жалеть всю оставшуюся жизнь! – патетически воскликнула Валентина.

– Ну, ты не расстраивайся, – сказал бандит. – В жизни такое бывает. И на старуху бывает проруха.

Слово «старуха» больно резануло по ушам. Этот наглец решил ее поддеть самым что ни на есть подлым способом!

– Ты тоже не расстраивайся, – ядовито процедила Валентина. – Если у тебя есть жена и дети, суд тебе скостит пару лет с пятнадцати. Старость ты встретишь на свободе.

– А у меня нет ни жены, ни детей, – бесхитростно признался Зорро. – И даже девушки нет, представляешь? Девчонки не любят таких, как я.

«Ну конечно, – все еще сердясь, подумала про себя Валя. – Ручаюсь, что в пяти километрах от его дома не осталось ни одной девственницы. «Девчонки таких не любят!» – передразнила она. – Вот ведь нахал!» Она с неприязнью взглянула в его красивые глаза.

– Не веришь? – спросил он.

– Ни капельки, – процедила она.

Тут он рванул на себе черный платок. Валентина знала, что это плохой знак: если бандит держит голову в чулке или под повязкой, значит, тем самым он демонстрирует, что жертву убивать не собирается. Вот почему строго не рекомендуется накидываться на бан-

дита и срывать маску. Стоит только взглянуть в его личико – пиши пропало! Ему уже терять нечего.

Валентина даже зажмурила глаза. Странно, но удара по голове не последовало. Когда она осторожно разлепила веки, из ее горла вырвался истошный крик.

– Господи! Что это?

Зорро только покачал головой:

– Я же тебе говорил, а ты не верила. Ты такая же, как все!

Челюсть героя напоминала фрагмент маски. Верхняя губа оттопыривалась, так что можно было видеть зубы, которые Валентине казались сейчас похожими на клыки волка. На коже виднелись рубцы, должно быть, следы от перенесенных операций. Совершенный верх лица невообразимо контрастировал с отталкивающим низом. Его голова была словно слеплена из двух половин, принадлежащих разным людям: писаному красавцу и чудовищу из сказки. Валентине показалось, что незнакомец не сорвал с себя маску, а, наоборот, надел ее на себя.

– Но почему? – задала она, должно быть, не самый оригинальный вопрос.

– «Почему?» – передразнил ее Зорро. Теперь, когда он остался без платка, девушке хорошо стал слышен дефект его речи. Звуки казались смазанными, нечеткими, словно во рту молодого человека была каша. – «Почему? И за что это мне?» – так, должно быть, рассуждала и моя мамаша, когда увидела меня в первый раз на руках акушерки. Она была тогда очень молода, нетерпелива, и возникшее недоразумение показалось ей жуткой несправедливостью. Она не стала бороться за меня, бегать по врачам. Просто сдала в детский дом, посчитав, что через год вполне может позволить себе другого малыша, здорового и красивого, – он взглянул на Валентину. – Ты знаешь, я ведь ее никогда не видел. Не довелось. Она меня не навестила ни разу. Ей было неинтересно, жив я или умер. Она вычеркнула меня из жизни единым росчерком пера, поставив свою подпись на отказе от материнских прав. Она выбросила меня из своей жизни, но я не смог это сделать с ней. Я был слишком мал, и мне она снилась каждую ночь. Я видел белокурые локоны, красивое, задумчивое лицо, склонившееся над моей колыбелью, слышал мелодичный голос, чистый и звонкий, как вода из ручья. Может, она была брюнеткой. Я не знаю. Но в моей памяти она сохранилась именно такой, какой представлялась в детских грезах. Конечно, она не видела, как я захлебывался от плача, когда меня кормили, ведь пища, попадавшая в рот, выходила из носа. Она не слышала участливый голос санитарки: «Ох ты, сердешный! Кому ты будешь нужен со своей волчьей пастью? Хоть бы тебя уже Бог прибрал. Ведь намаешься...» Мне сделали операцию, и я смог нормально питаться, уже не пугая окружающих фонтанами из супа и каши. Но для полноценного лечения нужны были операции, бесконечные консультации у челюстно-лицевого хирурга, пластического хирурга, логопеда, отоларинголога. А кто стал бы возиться, чтобы подарить красоту неизвестному малышу из детского дома? Привели в мало-мальски божеский вид – ну и ладно! Кому какая разница, что я неверно произношу звуки? Неужели детдомовец пойдет в дикторы или в артисты? Руки на месте – шагом марш на завод или на фабрику. Туда я и пошел. Но жить по-хорошему все равно не получалось. Девчонки шарахались от меня, как от огня.

– Но ты же... в другой части... вполне симпатичный, – проговорила Валентина, не совсем уверенная, что говорит сейчас то, что нужно. – У тебя красивые глаза, фигура там... мышцы и все такое.

Зорро ухмыльнулся. Клыки обнажились еще больше.

– Симпатичный?! А ты представляешь себе поцелуй со мной? – он наклонился к ней. Зрелище в неверном свете лампы в лифте оказалось таким пугающим, что Валентина невольно отстранилась. – Испугалась? Да не бойся. Не буду я тебя целовать. Чего доброго, умрешь от страха, и на меня повесят еще и твое убийство.

– Ничего я не испугалась, – мужественно проговорила Валя, но голос ее предательски дрожал.

– Испугалась, испугалась! Понимаешь, я же не чудовище из «Аленького цветочка». От поцелуя мне не стать прекрасным принцем.

– Но с этим что-то можно сделать? – аккуратно спросила Валя. – Я имею в виду, медицина сейчас творит чудеса...

– Творит, – кивнул Зорро. – Только за большие деньги. Мне такую зарплату на заводе не платят. Нашелся один добрый человек, ссудил мне немного денег. Я спешно внес первый взнос за лечение, но случилась неприятность, доброго человека замели.

– Что значит «замели»? – не поняла Валентина.

– Ну, на вашем языке значит «завели дело».

– А! Так этот ваш добрый человек – уголовник, – догадалась девушка.

– Ну что-то вроде того, – почесал голову Зорро. – Короче, он потребовал деньги назад. Я – в клинику. Там ни в какую. Тычут мне в лицо договор, показывают мою подпись. А добрый дяденька на глазах превратился в злобного монстра. «Мне, – говорит, – деньги на хорошего адвоката нужны. Так что ты захлопни свою волчью пасть и подумай, где их достать». – «Где же я их достану?» – удивился я. «Мне это без разницы. Хоть банк бери, но нужную сумму вынь да положи мне на стол. А то я тебе еще и остальную часть изувечу». Упрекал меня долго. Говорил, что по моей милости пригласил не опытного защитника, а недалекую адвокатессу, у которой одни мужики на уме. Короче, вlepили ему сегодня четыре года за вымогательство.

– Ну и хорошо, – обрадовалась Валентина. – Значит, долг возвращать не потребуется.

– Черта с два! Он мне записку через своего брата передал. «У меня все пучком. Деньги вернешь адвокату. Иначе век свободы не видать!»

– Пучком... пучком, – нахмурилась Валентина. – Где-то я слышала это слово.

– Да где же? На рынке.

– Нет, не на рынке, – она задумчиво взглянула на Зорро. – А как фамилия твоего «доброего человека»? Случаем, не Мурашкин?

Тот даже вздрогнул от неожиданности.

– Все-то вы знаете, товарищ адвокат! Как вам это удастся? – Но тут же на его лицо набежала тень. – Слушайте... А как, если не секрет, ваша фамилия? Не Булавкина ли?

– Булавкина, – подтвердила Валентина.

– О боже! – Он полез в карман, сердито чертыхнулся, наткнувшись на бриллианты, но затем выудил оттуда скомканную бумажку. – Так это ваш адрес?

– Так точно, мой, – сказала Валя, прочитав нацарапанные на листке строчки. – Значит, ты решил «занять» денег у адвоката, чтобы со мной же ими расплатиться?

Зорро смущенно закричал.

– Ну, вообще, откуда я мог догадаться, что это вы? Вижу, стоит у лифта этакая надутая фифа в норке и бриллиантах. Дай, думаю, у нее и займу чуток богатства. Удобно. Все в одном подъезде. На двенадцатом этаже ограбил, на седьмом отдал долг.

– Удобно. Ничего не скажешь, – мрачно проговорила Валентина, припомнив, что еще пару минут назад ее называли «недалекой адвокатессой, у которой одни мужики на уме». – Значит, таким оригинальным способом ты решил вернуть Мурашкину долг?

– А вы знаете другой способ? – поинтересовался он.

– Конечно, – она воинственно задрала подбородок. – Например, заработать самому.

– Я пытался, – развел руками Зорро. – Но зарплаты не хватает, а из приработка мне доступна лишь разгрузка вагонов. Верите, хотел устроиться летом на стройку к одному новому русскому, ничего не вышло. Он, как увидел меня, сразу замахал руками: «Уходи, – говорит. – Не то стены в моем доме такими же кривыми, как ты, будут. А еще у меня жена

беременная. Ей на уродов смотреть вредно». А я, между прочим, детей люблю. И в институт поступить хочу. Ведь я способный. Сделаю операцию, так сразу документы и подам. Вот только... – его голос стал еще глуше. – Сделаю ли я ее теперь? Ведь на мне висит долг. Мурашкин меня из-под земли достанет.

– Послушай, – осенило вдруг Валентину. – Если Мурашкин должен мне, а ты должен Мурашкину, значит, ты должен мне! Точно?

– Ну да. Вроде, – недоверчиво произнес Зорро.

– Тогда, если я прощу тебе долг, значит, никаких обязательств перед Мурашкиным у тебя не будет. Ты отдаешь мне бриллианты, шубу, и мы в расчете! Ты никому ничего не должен.

– Шуба уже на вас, – напомнил Зорро. – А бриллианты – вот. Заберите. Я бы вам их и так отдал.

Серьги заняли привычное место в ушах Валентины. Она почувствовала себя гораздо увереннее.

На лестнице раздался топот чьих-то очень быстрых и торопливых ног. Судя по разговору, на площадке были дети.

– Эй! – закричал им Зорро. – Ребятки, милые. Скажите своим родителям, что тут в лифте погибают два очень хороших человека.

Топот стих. Дети явно услышали зов о помощи.

– А мы – вовсе не ребятки, – отозвался мальчишеский голос. – Я, вообще, Питер Пэн.

– А я – фея! – пискнула девчонка.

– А тут Зорро! – истошно закричала им Валентина. – И я – серая крыса из норки.

– А чего вам надо? – поинтересовались дети.

– Выпустите нас! – отозвались взрослые. – Или хотя бы позовите своих родителей.

– А что нам за это будет?

– Ничего не будет, – дала адвокатский ответ Валентина, но вовремя спохватилась. – Конфеты будут.

– Фи! – пропищала девчонка. – Нужны нам ваши конфеты. Давайте мы вам лучше что-нибудь загадаем?

– Точно! – обрадовался мальчишка. – Сейчас часы будут бить двенадцать. Давайте вы поцелуетесь, а мы посмотрим, превратится ли крыса в принцессу.

– Да как вы это увидите, мы же закры... – начала Валентина, но Зорро зажал ей рот рукой.

– Мы согласны! – крикнул он и шепнул своей пленнице: – Не волнуйся. Мы – понарошку.

– Тогда раз... Два... – начала с расстановкой считать девочка.

– Три, – сказала Валентина и коснулась щеки своего спутника, сначала только пробуя. Но потом обхватила его за шею и запечатлела на его губах самый горячий из всех своих поцелуев.

– Значит, так это... – проговорил Зорро тихо, – ...целоваться.

Он обнял ее сильно и нежно. Они не могли оторваться друг от друга. Она сквозь ресницы видела лишь его влажные красивые глаза, он – ее запрокинутое лицо, по которому почему-то текли слезы.

Они не слышали, как двери лифта разъехались в разные стороны, и чей-то очень строгий голос сказал шепотом:

– А ну живо домой, бесстыдники! Нехорошо подглядывать за взрослыми...

Шаги стихли. Мужчина и женщина в лифте наконец разжали объятия. Он посмотрел на нее с улыбкой.

– С Новым годом, адвокат!

– С новым счастьем, – улыбнулась она, а в ушах боем курантов раздался чей-то очень знакомый скрипучий голос: «Предложение тебе будет. Руки и сердца. Скорый брак. Где это произойдет? Шут его знает... То ли в камере, то ли в ящике. Но это я знаю точно!»

Валерия Вербинина. Белая сирень в декабре

– Видите ли, – сказал князь Мещерский, – мне ужасно не хочется жениться.

– Думаю, девять мужчин из десяти согласятся с вами, – заметила баронесса Амалия Корф. – А десятый если и будет возражать, то исключительно ради того, чтобы прослыть оригинальным. Мужчины так же не любят связывать себя узами брака, как женщины любят выходить замуж.

– И тем не менее, – продолжал князь, – я имею честь пригласить вас на свою свадьбу.

– О! И кто же счастливая избранница?

– Понятия не имею, – довольно уныло признался князь. – Но до Нового года я непременно с ней встречаюсь, это точно.

– Поймите, – удивилась баронесса, – вы собираетесь жениться и даже не знаете, на ком?

– Совершенно верно, – вздохнул князь. – Однако жениться мне придется. И не думаю, что мне удастся избежать своей участи. Что суждено, то, как говорится, суждено.

– Объяснитесь! – потребовала Амалия. – Потому что, по правде говоря, о таком странном случае я слышу впервые.

– И вовсе ничего в нем нет странного, – с некоторой обидой возразил князь. – Вам знакома мадам Этуаль?

– Нет.

Князь всплеснул руками.

– Как! Вы не знаете, что она самая знаменитая ясновидящая в Париже и, может быть, во всей Франции?

При слове «ясновидящая» в карих глазах его собеседницы зажглись золотые звезды.

– Должна признаться, – промолвила она, разглаживая складку на юбке, – что никогда не имела чести интересоваться людьми, которые наживаются на людской доверчивости.

– Я понимаю, сударыня, куда вы клоните, – сказал князь. – Однако мадам Этуаль вовсе не шарлатанка. Все ее предсказания сбываются с прямо-таки поразительной точностью!

– В самом деле? – Тон Амалии стал довольно-таки двусмысленным.

– Да. Она предсказала Бородину, что он скоро разбогатеет. И ведь так и вышло!

– Ничего удивительного, – отозвалась Амалия. – У господина Бородин, насколько я помню, тетушка – миллионщица, а тетушке стукнуло девяносто уже тогда, когда я с ним познакомилась.

– И она до сих пор жива, – объявил князь. – Нет, Бородин получил наследство от двоюродного брата, двадцатилетнего молодца, который сломал шею на скачках.

Амалия вздохнула, и, раскрывая веер, заметила:

– При том количестве богатых родственников, какие есть у месье Бородин, неминуемо хоть кто-то из них должен был умереть и оставить ему какое-нибудь наследство.

– Вот как? – несколько озадаченно спросил князь. – А история с Выготским? Мадам Этуаль предсказала ему, что его ждет встреча с дамой, по которой он давно вздыхал. Так вот Выготский поехал в Ниццу – и в поезде встретился с ней, так что теперь они живут вместе. Разве это не чудо?

– Боюсь, для того, чтобы я поверила в чудо, мне нужно нечто более необычное, – дипломатично ответила его собеседница. – Не вижу в случайной встрече двух людей чего-либо особенного.

– Да, но мадам Этуаль знала о ней до того, как состоялась поездка!

– Просто каким-то образом выяснила, что эта дама и Выготский должны ехать на юг в один день в одном поезде, после чего ошеломила его своей проницательностью. Полно, друг мой, в тех случаях, которые вы описываете, нет ровным счетом ничего сверхъестественного.

– Хорошо. – Князь, судя по всему, не собирался сдаваться. – А что вы тогда скажете о Ласточкине, который находился на грани разорения? У него было столько долгов, что он даже подумывал покончить с собой. Однако мадам Этуаль предсказала ему крупный выигрыш в казино и свадьбу с богатой наследницей. И он в самом деле отправился в Монте-Карло, дважды поставил на zero – и оба раза выиграл! И как будто того было мало – вскоре он женился на даме превосходных качеств, которую вы прекрасно знаете и которая унаследовала от деда не меньше миллиона.

– Вот это уже интереснее, – задумчиво протянула баронесса. Она прищурилась и вопросительно взглянула на своего собеседника. – А вам, насколько я понимаю, мадам Этуаль предсказала, что вы скоро встретите свою жену?

– До Нового года, – уточнил князь. – Который наступает, между прочим, всего через две недели.

– А о будущей жене мадам Этуаль вам что-нибудь сказала? – быстро спросила Амалия. – Если она и в самом деле ясновидящая, в будущем для нее не должно быть тайн, – прибавила она, видя, что собеседник колеблется.

– У любого ясновидения есть свои границы, – важно обронил князь.

– Это ее слова, не так ли? – Амалия с треском закрыла веер.

– Да, если вам угодно, – сознался князь. – Нет, кое-что она, конечно, увидела, но... не все.

Баронесса вздохнула.

– Давайте начнем с начала. Что именно вам известно о вашей будущей жене? Она молода? Хороша собой? Из какой она семьи? Как, наконец, вы с ней встретитесь и почему вам придется жениться именно на ней?

– Не знаю, – промямлил князь. – Мне известно только то, что сказала мадам Этуаль, а она увидела немного. Мою будущую супругу я узнаю по белой сирени. А еще какое-то отношение к нашему браку будет иметь зеленая лошадь.

– Белая сирень в декабре в Париже... – несколько растерянно промолвила баронесса. – Это не то чтобы из области фантастики, но... Откуда бы ей здесь взяться? Хотя...

Амалия задумалась.

– Должен признаться, что меня куда больше беспокоит зеленая лошадь, – жалобно промолвил князь. – Сколько ни ломал себе голову, я никак не могу сообразить, что сие значит.

– Ах, это, по-моему, пустяки, друг мой, – отмахнулась баронесса. – Главное, чтобы дело не дошло до зеленых чертей. – Она посмотрела на озадаченное лицо своего собеседника и ласково улыбнулась. – Не беспокойтесь! Я принимаю ваше приглашение на свадьбу. Должна признаться, мне не терпится понять, что же именно все это значит.

* * *

– И что же все это значит? – спросил Франсуа.

Высокий кудрявый молодец был незаменимым помощником баронессы Корф в некоторых ее приключениях, и всякий раз, когда баронесса приезжала во Францию (а она много и часто путешествовала), Амалия непременно отправляла старому другу весточку. Теперь она и ее преданный сообщник обсуждали странное предсказание, сделанное князю.

– Признаться, я еще хорошенько не знаю, – ответила баронесса на слова своего приятеля. – Но подумай сам: князь Мещерский богат, родовит, не сказать чтобы дурен собой, и к тому же ему еще не исполнилось семидесяти лет.

– По-моему, ему еще не исполнилось и сорока, – уточнил Франсуа, весело блестя глазами.

– Ну, я пошутила, – улыбнулась Амалия. – Так или иначе, он до сих пор не женат, и для любой особы, мечтающей о замужестве, князь – это прямо-таки лакомый кусочек.

– Думаете, мадам Этуаль по каким-то своим причинам толкает его к браку? – спросил Франсуа.

– Меня бы подобное не удивило, – отозвалась баронесса. – Однако я навела о ней справки. Ей пятьдесят два года, и у нее безупречная репутация. По ее словам, она стала видеть будущее после того, как на прогулке в нее ударила молния. Мадам – автор двух книг о предвидении и знаменитых предсказателях прошлого. Поскольку стиль – это, можно сказать, человек, я ее книги просмотрела. Если она и шарлатанка, то держится довольно скромно и в книгах ничуть не стремится выпячивать свои заслуги. Единственный ее недостаток в том, что попасть к ней на прием нелегко, причем деньги решают далеко не все. Когда она в настроении, то приняла бедную прачку, а когда нет, способна указать на дверь даже принцу крови.

– Должен сказать, – признался Франсуа, – что данные сведения вроде бы располагают в ее пользу.

– Гм, – загадочно молвила его собеседница. – Может быть, я излишне подозрительна, но чем больше я узнаю о ясновидящей, тем меньше она мне нравится.

– Именно потому, что ничего плохого о ней не известно? Поэтому вы ей не доверяете?

– Допустим, – не стала спорить Амалия. – Взять хотя бы тебя: что бы ты предпринял, если бы тебе предсказали, что до Нового года ты встретишь свою будущую жену?

Франсуа поскреб в затылке, а затем категорично объявил:

– Сбежал бы. Куда-нибудь подальше. – Заметил смешинки в глазах Амалии и поторопился объяснить: – Нет, не то чтобы я был против брака, но... Мне не нравится сама мысль, будто со мной должно произойти нечто такое, что от меня совсем не зависит, и хочу я или нет, оно все равно случится.

– Вот поэтому мы с тобой так хорошо понимаем друг друга, – кивнула Амалия. – Но на большинство людей слова «судьба» и «суждено» оказывают совсем другое действие – заставляют сложить руки и подчиниться. И умный человек мог бы использовать даже качество людской природы в своих целях.

– Вы считаете, мадам Этуаль хочет женить князя на себе? – напрямик спросил Франсуа. – Но вообще-то... если ей пятьдесят два года... А может, она хлопчет о ком-то другом?

– Пока у меня лишь предположения, – призналась Амалия.

– Но для чего ей так стараться?

– Не знаю.

– Но если она мошенница, то и раньше... Вы проверяли ее предыдущие предсказания? Обнаружили в них что-нибудь подозрительное?

– Я не уверена.

Франсуа пожал плечами с видом полнейшего изнеможения.

– Лично меня больше всего удивили белая сирень зимой и зеленая лошадь. Откуда бы им тут взяться? А главное, к чему такие странные подробности?

Амалия улыбнулась.

– Странные они потому, что являются отличительным знаком, который должен указать князю на его судьбу. Уверена, теперь он оборачивается на каждую лошадь на улице. Не говоря уже о белой сирени – очень заметный цветок, его нелегко пропустить.

– Но ведь это же знак и для нас! – жизнерадостно объявил Франсуа. – Если мы найдем в Париже одинокую даму, у которой есть белая сирень и зеленая лошадь, да еще докажем,

что дама, предположим, знакома с мадам Этуаль... и попросила подыскать для нее богатого жениха... Так мы спасем князя! А что?

– Ничего, Франсуа, ничего, – ответила Амалия, улыбаясь каким-то своим потайным мыслям. – Просто дело в том, что мы никогда не найдем в Париже белую сирень и зеленую лошадь, а почему – я сейчас тебе объясню. Нам придется пойти другим путем, и то нет никакой гарантии, что нас не опередят. До Нового года всего две недели, и нам придется хорошенько поработать.

– Я всегда с вами, мадам, что бы ни случилось, – заверил ее Франсуа. – Только вот... – Он замаялся. – Что, если вы все-таки ошиблись по поводу мадам Этуаль? Что, если она никакая не шарлатанка, а честная ясновидящая, которая действительно может предсказывать будущее?

– Может быть, и так, – согласилась Амалия. – Потому что, как удачно выразился господин Гете, «сущее не делится на разум без остатка». Если я не права, то просто признаю свою неправоту, вот и все. Но пока я вижу в этой истории слишком много настораживающих меня моментов. И если князя Мещерского намерены женить столь хитроумным образом, считаю своим долгом расстроить замысел людей, затеявших интригу, кем бы они ни были.

* * *

Князь Мещерский приходился крестным отцом старшему сыну Амалии. Сам князь вполне отвечал тому описанию, которое сделала баронесса, и помимо того, что был родовит, богат и холост, являлся к тому же добрым, честным и неглупым человеком. Он никогда не попадал ни в какие истории, не проигрывал состояния в железку, не предавался утомительным кутежам и не содержал трех актрис сразу. Ни один порядочный российский романист никогда бы не выбрал князя героем своего романа, потому что тот был нестерпимо, до отвращения, положителен. Было невозможно представить его себе в роли бессердечного тирана и угнетателя или в образе коварного соблазнителя, а все другие ярлыки к князю не клеились вообще.

Впрочем, один недостаток за ним все-таки водился: будучи одним из самых выгодных петербургских женихов, князь до сих пор счастливо избежал брака. Не то чтобы он расточал двусмысленные обещания, а потом шел на попятный, нет! Князь без натуги сердечной общался с молодыми женщинами и девушками на выданье, но – ровно до того мгновения, которое уже можно было истолковать как наличие серьезных намерений. Столичные свахи, уже отчаявшиеся поймать его в свои сети, в раздражении обозвали князя Мещерского мотыльком, но это было неправдой. Он никому не внушал неоправданных надежд, не разбивал сердца и не искал славы ловеласа. Он попросту не хотел ни на ком жениться, и ему было безразлично, что все люди рано или поздно женятся и что, стало быть, достойная женитьба есть долг всякого порядочного человека.

Умудренные жизнью советчики, которые все как один были женаты, пытались образумить князя и призвать его к порядку, но тщетно. Каждый год в свете возникали новые звезды, новые светские красавицы, и всякий раз чуть ли не пари заключались, сумеют ли вновь появившиеся невесты на выданье растопить его неприступное сердце, однако время шло, а воз, то бишь князь Мещерский, был и поныне там. Одно время, после развода Амалии, даже поговаривали и об их возможном романе, но толки очень скоро сошли на нет. Амалия слишком уважала князя как друга – своего и своей семьи, – чтобы пытаться судьбу.

И вот сейчас он загадал ей загадку, которая представлялась почти неразрешимой; и тем не менее баронесса Корф приняла вызов. В этом деле – даже если бы какая-то ловкая особа и впрямь задумала окрутить князя – не было, да и не могло быть никакого состава преступ-

ления, и, может быть, именно поэтому оно так заинтриговало Амалию. Но пока она знала слишком мало и могла только блуждать в потемках.

Что же до князя Мещерского, то, признаться, его крайне интересовало, кем именно окажется его будущая супруга, с которой он должен познакомиться до Нового года. Амалия была права в своих предположениях: он не оставлял без внимания ни одну цветочную лавку, которая попадалась ему на глаза, ни одну лошадь. Однако цветочные лавки торговали чем угодно, только не белой сиренью, а лошади встречались какого угодно цвета, только не зеленого. И хотя князь Мещерский не собирался слишком сопротивляться судьбе, в голову ему начала закрадываться мысль, что, возможно, знаменитая ясновидящая мадам Этуаль в его случае ошиблась и что тогда ему вовсе не обязательно жениться. Нельзя сказать, чтобы его такой вывод очень огорчил, и когда через несколько дней после разговора с Амалией он собирался на бал, который устраивало для русской колонии наше посольство, князь отправился туда в самом безмятежном расположении духа.

На улице шел снег – тот редкий, мгновенно тающий снег, который порой случается в Париже и создает в городе вечной весны иллюзию зимы. К посольскому особняку один за другим подъезжали экипажи приглашенных. Шепотом передавались из уст в уста многозначительные новости, например, что в нынешнем году пригласили N, зато не пригласили P и S, которые ужасно обиделись. Князь Мещерский вошел в зал, раскланялся со знакомыми – и замер.

Прямо напротив него стояла дама с веточкой белой сирени, приколотой к корсажу. Прошу особо заметить: то была не орхидея, не ландыш, не гвоздика, не фиалка, а именно сирень и именно белая. Однако вовсе не по этой причине князь так переменялся в лице.

Дело в том, что он прекрасно знал даму с белой сиренью. Графиня Елизавета два раза выходила замуж и оба раза оставалась вдовой. В свете, впрочем, она была известна своим скромным нравом и добросердечием. Кроме того, о ней знали, что она много занимается благотворительностью, любит кошек, изредка бывает на скачках и еще реже – дает повод говорить о себе.

Перечисленные выше качества можно назвать вполне терпимыми для будущей княгини Мещерской, если бы не одно обстоятельство.

Графине Елизавете было семьдесят восемь лет.

* * *

– Ах, князь! – с чувством объявила графиня Елизавета, заглядывая ему в глаза. – Право, как я вижу нынешних молодых людей, мне все кажется, что они с каждой встречей выше становятся. Хотя, конечно, вовсе не они виноваты, а я. Старею, старею... – Дама вздохнула. – А я ведь еще помню, как ты младенцем на коленках у меня сидел.

Давно вышедший из младенческого возраста князь Мещерский облился холодным потом, пробормотал требуемое приличиями извинение и собрался уже поскорее позорнейшим образом сбежать – в Петербург, в Сибирь, на Северный полюс, куда угодно. Но тут подошли две подруги графини Елизаветы: Мария Петровна и Мария Ивановна.

Завидев их, князь открыл рот, да так и прикипел к месту – в прическе у каждой дамы красовалось по веточке белой сирени.

Справедливости ради следует заметить, что Марии Петровне было пятьдесят шесть, и она давно и счастливо пребывала замужем, а про возраст Марии Ивановны никто толком не мог сказать ничего путного по той простой причине, что ни у кого не хватало смелости о нем спросить. Предполагали, впрочем, что ей где-то между сорока пятью и восьмьюдесятью, а некий остряк с математическим складом ума однажды добавил: «В общем, между средним возрастом и бесконечностью».

Дамы приветствовали князя, слегка укололи его, спросив, не ищет ли он себе на балу невесту, но тотчас же сжалились над закоренелым холостяком и перевели разговор на другую тему. Обычно говорливый князь на сей раз почему-то лишился языка и то и дело переводил взгляд с графини Елизаветы на Марию Петровну, с Марии Петровны на Марию Ивановну и обратно на графиню. В конце концов Мария Петровна не выдержала.

– Mon prince, что с вами? Раньше, надо признать, вы были более разговорчивы!

– Во всем виновата белая сирень, – признался князь Мещерский с несчастным видом. – Должен сказать, mesdames, я никак не могу понять... то есть... Ведь на дворе декабрь, так откуда же она?

– Ах, это великолепно, просто потрясающе! – оживилась застрявшая в бесконечности Мария Ивановна. – Представляете, на площади Побед некий итальянец открыл новый цветочный магазин. Ему все привозят из Ниццы, и, говорят, у него еще под Парижем оранжереи... Невероятно! Чтобы дамы покупали у него цветы, он распорядился послать белую сирень в подарок самым-самым достойным особам в городе. По крайней мере, так он выразился в сопроводительном письме.

И Мария Ивановна довольно свирепо покосилась на белую веточку, приколотую к корсажу графини Елизаветы.

Таким образом, все получило свое объяснение, и сказка, как ей и полагается в реальности, обернулась вульгарнейшим коммерческим трюком. Поневоле князь почувствовал разочарование.

– Я думаю, – многозначительно промолвила Мария Петровна, обмахиваясь веером, – что итальянец скоро разорится. Представляете, во сколько ему должны были обойтись эти цветы?

– А я думаю, – отозвалась Мария Ивановна, делая плачущее лицо, – что будет просто ужасно, если все придут с белой сиренью. Смотрите, Софи Карамзина тоже с ней!

– И что ей дома не сидится, зачем она ездит по балам? – покачала головой графиня Елизавета. – Ей же ведь уже за семьдесят!

О том, что ей самой столько же, причем сама она тоже находится на балу, графиня почему-то забыла. Впрочем, в ее возрасте вполне простительно.

Князь Мещерский оглянулся на госпожу Карамзину и увидел возле нее еще одну даму почтенных лет, украшенную белой сиренью. Тут князю стало не хватать воздуха, он поспешно пробормотал какое-то извинение и бросился прочь.

На лестнице столкнулся с графиней Головиной и ее сестрой, которым на двоих исполнилось как раз сто лет. Графиня Головина потом рассказывала, что ужас, выразившийся на лице ее супруга, когда она подала ему очередной счет за платья, был сущим пустяком по сравнению с тем, что изобразился на лице достойнейшего князя Мещерского. Даже не поздоровавшись, тот промчался мимо, выхватил из рук лакея свое пальто и выбежал во двор. В крайнем недоумении графиня Головина обернулась к сестре, которая кисло улыбнулась, и победно объявила:

– Я же говорила, тебе не стоило делать такую прическу!

Что же до князя, то он пробежал мимо богатой кареты, из коей в тот момент выходила очаровательная молодая особа, закутанная в соболя, сел в свой экипаж и велел кучеру что есть духу гнать домой.

Если бы князь, подобно мадам Этуаль, обладал даром ясновидения, не исключено, что он бы смог разглядеть под соболями, в волосах незнакомой прелестницы, веточку белой сирени. Но, к счастью (а может быть, совсем наоборот), князь вовсе не был ясновидцем...

* * *

– Тут появляется госпожа Карамзина... – сконфуженно закончил свой рассказ князь. – И я просто не выдержал.

Баронесса Корф улыбнулась и осведомилась:

– Надеюсь, вы не собираетесь жениться ни на ком из перечисленных вами дам? Не говоря уже о том, что большинство из них замужем и вам пришлось бы драться на дуэли с их мужьями, чтобы...

Князь Мещерский шутливо замахал руками.

– Боже упаси, сударыня! Нет, я начинаю думать, что вы все-таки были правы. Госпожа Этуаль превосходная женщина, но... В конце концов, каждый может ошибиться.

– И я так думаю, – невинно согласилась баронесса Корф. – Потому что было бы поистине жестоко принуждать к браку столь почтенную особу, как графиня Елизавета, и все только для того, чтобы предсказание мадам Этуаль оправдалось.

– Сударыня! – жалобно вскричал князь.

– Или графиню Головину, или госпожу Карамзину, или...

– Сударыня, я сдаюсь!

И они оба рассмеялись. Станным образом, однако, князь почувствовал, что у него и в самом деле отлегло от сердца.

– Можно спросить? – поинтересовалась Амалия. – Чем именно вы намерены заниматься в ближайшие дни?

– По правде говоря, еще не знаю, – сознался князь. – Мне прислали столько приглашений... Может быть, пойду на вечер к Ласточкиным – у них очень приятный дом, а госпожа Ласточкина замечательно поет. Или загляну к Покровскому. Хотя, по правде говоря, богема – это не совсем мое.

– Покровский – художник? – спросила баронесса Корф. – Который живет на Монмартре?

– Да, – сказал князь. – Ужасно утомительно туда наведываться. На холме улочки такие крутые, и живут там... сущие пролетарии. Покровский обещал мне еще в ноябре закончить реставрацию одного портрета, которую я ему поручил.

– Вашего портрета? – спросила баронесса.

– Нет. Моей матери.

Амалия знала: мать князя умерла, когда он был еще мальчиком.

– Вы не прогадали, Покровский очень хороший реставратор, – кивнула баронесса. – А вот художник уже не столь замечательный.

– При том образе жизни, который он ведет, удивительно, что у него еще вообще остается какой-то талант, – проворчал князь.

Собеседники еще немного поговорили о художниках и живописи, и князь стал прощаться.

Едва он ушел, как в дверь кто-то еле слышно поскребся.

– Входи, Франсуа, – сказала Амалия.

Едва ее сообщник показался на пороге, она сразу же заметила, что он чем-то встревожен. Между бровями Франсуа пролегли морщинки, он хмурился и казался чем-то всерьез озабоченным.

– В чем дело, Франсуа? – спросила Амалия.

– Эта лавка, мадам... Я не знаю, что с ней делать, – признался мошенник с несчастным видом.

Баронесса пожала плечами.

– Я помню твои опасения по поводу того, что мы разоримся на белой сирени в разгар зимы, но посуди сам: должны же мы были спасти князя от грозящей ему участи! А из двух десятков дам, которым мы выслали сирень, несколько все-таки пошли с нею на бал, так что нельзя считать, будто наши труды пропали зря. Зато князь теперь с юмором смотрит на свое положение, и если какая-то ловкая особа и впрямь решила стать княгиней Мещерской, ей придется не так легко, как она рассчитывала.

Следует признать, что ловкая особа действительно недооценила коварство баронессы Корф. План баронессы был весьма оригинален: она объявила Франсуа, что отныне его зовут Франческо и он итальянец, и послала его выкупить цветочную лавку на площади Побед. После чего помощник баронессы по ее распоряжению выписал за баснословные деньги белую сирень из Ниццы и разослал ее старым дамам, которые могли присутствовать на традиционном ежегодном вечере у русского посла. Амалия знала, что князь никогда не пропускает это торжество, и предполагала: возможно, неизвестная особа именно там попытается произвести на него впечатление. Но если бы она даже попалась ему на глаза, она бы неминуемо затерялась в толпе других дам с белой сиренью, ни одна из которых ни при каких обстоятельствах не смогла бы стать его женой.

– Ах, мадам, честное слово, это не то, о чем вы думаете, – вздохнул Франсуа.

– А что же?

– Ужасно, мадам! – простонал Франсуа. – Наш широкий жест имел просто бешеный успех. Теперь день и ночь все ломятся в лавку и требуют цветов. Я выписал у Анжело чуть ли не целый сад роз, орхидей, тюльпанов и фиалок, так его смели за несколько часов! Мне пришлось закрыть лавку и сбежать. Кроме того, – Франсуа понизил голос, – Анжело предлагает нам новые, более выгодные условия сотрудничества. Если мы будем брать у него еще больше цветов, он согласен снизить цену. Он даже согласен отодвинуть сроки платежа! Я не знаю, что мне делать, мадам!

Амалия не выдержала и рассмеялась.

– Так что, мы не разорены?

– Я никогда в жизни не занимался торговлей, – сокрушенно признался Франсуа. И тут же быстро поправился: – Я хочу сказать, честной торговлей... И то, что творится, просто выше моего понимания. Но... Мы заработали много денег, мадам! Если дело будет так продолжаться дальше...

Баронесса Корф вздохнула. Признаться, она совершенно упустила из виду коммерческий аспект своей затеи, и успех ее случайного предприятия оказался для нее полным сюрпризом.

– Лавка твоя, – сказала она, – делай с ней что хочешь. И, конечно, цветы – то, с чем всегда приятно иметь дело.

– Тогда я напишу Анжело, что согласен на его предложение? – с надеждой спросил Франсуа.

– Разумеется, Франсуа. Только не забудь, что после Нового года цветов будут покупать меньше, так что не введи нас в убыток.

Франсуа расцвел, заверил баронессу, что сделает все наилучшим образом и проследит за тем, чтобы лавка приносила прибыль, как и сейчас.

– А что с той особой, которая захотела окрутить князя? – спохватился он. – Вы нашли ее, мадам? Она действительно в сговоре с этой, с ясновидящей?

– Нет, я ее пока не нашла, – с сожалением призналась Амалия. – Но, думаю, она как-нибудь проявится, вряд ли заставит себя долго ждать. Новый год уже совсем скоро.

– Думаете, непременно захочет познакомиться с князем? – Франсуа, как и все, кто работал с баронессой Корф, схватывал ее мысли на лету.

– Это одно из условий, – напомнила баронесса. – Знакомство до Нового года, белая сирень и зеленая лошадь. Только не стоит упускать из виду, что белая сирень может быть, к примеру, вышивкой на платье или даже названием какого-нибудь заведения, как и зеленая лошадь. Поэтому я и сказала тебе, что мы не найдем в Париже по этим признакам нашу авантюристку. Конечно, если бы мы знали, кто она такая, нам было бы значительно проще ее обнаружить. Я почти уверена, что дама навещала мадам Этуаль незадолго до князя, но...

– А может быть, мне стоит втереться в доверие к горничной мадам Этуаль? – предложил Франсуа. – Ей-богу, ради нашего дела я на все готов! И потом, разве вы сами не говорили, что если кто и знает все о господах, так именно слуги?

– Я ценю твою готовность пожертвовать собой, Франсуа, но горничная мадам Этуаль еще старше, чем ее госпожа. – Амалия вздохнула, а Франсуа вытаращил глаза. – Так что не следует отклоняться от плана. Ты пока занимайся лавкой, а я буду ждать, когда неизвестная нам особа, наконец, появится. Тогда мы и решим, что делать дальше. И очень хорошо, что князь настроен скептически по отношению к своей якобы судьбе.

Однако ловкая особа, появления которой так ждала баронесса Корф, объявилась куда быстрее. И вовсе не там, где ее ждали.

* * *

Франсуа закончил послание Анжело, заклинающее того прислать свежие цветы, причем как можно скорее, и спустился в лавку, где одиноко чахли в вазах несколько последних вялых роз. Подумав немного, он стал переставлять вазы, чтобы подпорченные цветы не так бросались в глаза, но тут его прервал нетерпеливый стук в дверь.

– Закрыто, закрыто, там же табличка висит! – простонал Франсуа.

Однако стук повторился, и, бросив взгляд в окно, сообщник баронессы увидел за ним нарядный экипаж, хорошенький, как игрушка. Интереснее всего, впрочем, был другой факт – тот, что в экипаж была запряжена лошадь в зеленой попоне.

«Эге! – бухнуло что-то в голове Франсуа. – Уж не наша ли это зеленая лошадь?»

И, сообразив, что сие значит, он быстрее мысли скользнул к двери.

Через мгновение в лавку вошла миниатюрная молодая женщина, темноволосая и хорошенькая. У нее было выражение лица человека, который точно знает, чего он хочет от жизни, и означенная решительность, пожалуй, немного красавицу портила.

– Еще совсем рано, а вы уже закрыты, – поставила она на вид Франсуа, стаскивая с рук перчатки. – Вы приказчик?

– Мы закрыты, сударыня, – ответил Франсуа, одним глазом кося на незнакомку, а другим – на интересующую его лошадь за окном, – потому что у нас совершенно не осталось цветов.

Он стыдливо развел руками и поклонился.

– Однако досадно... – вздохнула молодая женщина. – Кажется, у вас еще есть розы?

Франсуа немного смутился и заверил ее, что розы – сущий пустяк, поскольку пришли несколько дней назад, и он не может продать их. Молодая женщина взглянула на него пристальнее.

– Вы любопытный человек, месье...

– Синьор Франческо, – представился, спохватившись и вспомнив о своей легенде, Франсуа.

– Вы любопытный человек, синьор, – задумчиво повторила женщина. – Любой другой торговец не преминул бы всучить мне эти цветы, расхвалив их, да еще содрал бы за них двойную цену.

Она рассеянно оторвала от ближайшей розы увядший лепесток.

– Скажите... Мне кажется, у вас была белая сирень?

Франсуа весь обратился в слух.

– О да, сударыня. Но...

– А сейчас ее у вас нет?

– Нет, сударыня, – сознался Франсуа, глядя на посетительницу честнейшими глазами.

Впрочем, он и в самом деле говорил чистую правду: всю белую сирень, добытую с невероятным трудом и за совершенно неприличные деньги, он, по указанию Амалии, разослал в подарок дамам, адреса которых баронесса ему дала.

– Мне очень нужна белая сирень, – призналась незнакомка. – Скажите, синьор... – Она подошла к Франсуа вплотную, так, что тот чувствовал на лице дыхание женщины, и поглядела на него загадочно. – Вы сможете достать ее для меня?

– Сейчас не сезон... – промямлил Франсуа.

– Ну и что?

– И потом, белая сирень в это время стоит... – Он сглотнул, вспомнив, сколько баронесса Корф заплатила за охапку веток в пене белых цветов. – Очень дорого, – беспомощно закончил Франсуа.

– Ах, не важно, – отмахнулась незнакомка. – Мне очень, очень нужна белая сирень. Если бы я знала... – Она вздохнула и покачала головой. – Скажите, вы достанете ее для меня, Франческо? Да?

Франсуа почему-то не торопился с ответом, тараща на посетительницу глаза. Тогда незнакомка взяла его за пуговицу и придвинулась еще ближе.

– Вы очень милый, – с придыханием прошептала она. – Так вы сделаете это для меня? Да?

Чувствуя в голове легкий сумбур, Франсуа пролепетал, что готов на все, лишь бы столь красивая дама была довольна. Сирена выпустила его, и «синьор Франческо» наконец-то сумел перевести дух.

– Я спишусь с нашим поставщиком по поводу сирени, – объявил он. Сама казенность произнесенной фразы придавала ему уверенности. – Однако, сударыня, мне необходимо знать ваше имя и адрес, чтобы сообщить, когда цветы появятся. Опять же, вдруг вы передумаете...

Надо сказать, что если Франсуа и можно было смутить, то ненадолго. Работая с баронессой Корф, он превыше всего ставил дело – так же, кстати, как и сама Амалия.

– Будь по-вашему, – кивнула хозяйка зеленой лошади, – записывайте.

* * *

– Ее зовут Элен Ланская, – с торжеством сообщил Франсуа.

Амалия рассеянно кивнула.

– И она живет на улице Святой Анны, – закончила баронесса.

Хотя Франсуа хорошо знал Амалию, тут он все же изумился:

– Как, сударыня? Вы уже нашли ее?

Баронесса Корф вздохнула, а затем пояснила:

– Князь встретился с ней в Булонском лесу. То есть, конечно, наоборот – она с ним встретилась. У нее лошадь, крытая зеленой попоной, и...

– Но у нее нет белой сирени, – поспешно сказал Франсуа. – Анжело говорит, белая сирень теперь будет только после Нового года.

Настал черед Амалии изумляться.

– Постой, так что, она заказала сирень у тебя? Ах, ну да! Дама была приглашена на бал, который состоялся почти неделю назад, и та сирень, которая у нее имелась, успела увянуть. Пока мадам Ланская сумела подыскать новую возможность для знакомства с князем...

– По-вашему, она все это подстроила? – спросил Франсуа.

– Конечно, – безмятежно ответила Амалия. – Элен Ланская родом из хорошей семьи, но ее поведение всегда оставляло желать лучшего. Любовник дамы, принц У., оставил ее, чтобы жениться на итальянской принцессе. А поскольку мадемуазель Ланская вовсе не так молода, как кажется, она и решила одним махом устроить свою судьбу. Полагаю, она сговорила с мадам Этуаль и посулила ей большие деньги в случае, если свадьба состоится. Мужем, вероятно, был назначен любой холостой и богатый аристократ, который заглянет к ясновидящей узнать свою судьбу. Кстати, Элен живет как раз напротив дома мадам Этуаль.

– Это ужасно, – сказал Франсуа болезненным голосом. – И что же вы намерены предпринять?

– Для начала проеду в Монте-Карло, – весьма загадочно ответила Амалия. – Мне не дает покоя один странный выигрыш в казино. Все остальные предсказания очень легко объяснимы. Ясновидящая посулила скорое наследство человеку, у которого множество богатых родственников, и тут все просто: говори то, что от тебя хотят услышать. Во втором случае некто Выготский столкнулся с дамой своего сердца в поезде, как ему и было предсказано. Причем Выготский не знал, что незадолго до этого даму бросил тот, кто ее содержал, и она была в отчаянии. Уверена, мадам и попросила ясновидящую свести ее с... с новым кавалером. Так что дорожную встречу тоже легко объяснить. Но казино...

Что именно баронессе Корф удалось узнать в Монте-Карло, недолго оставалось тайной. Через несколько дней чета Ласточкиных устраивала вечер, на котором присутствовали также князь Мещерский и Элен Ланская, которая всю кокетничала с ним. Амалия опоздала к началу вечера, и взгляд, которым она одарила Элен, никак нельзя было назвать дружеским.

– Дорогая! – К баронессе спешила хозяйка дома. – Я счастлива вас видеть! Вы уже знакомы с месье Флеранже? А с госпожой Ланской? Не правда ли, они с князем очаровательная пара?

– Так говорит госпожа Ланская? – довольно холодно осведомилась Амалия.

Ласточкина пристально посмотрела на нее. Однако хозяйка тут же решила, что знает, чем вызвана неприязнь баронессы, поэтому позволила себе улыбнуться.

– Не знаю, чем бедная Элен сумела вас прогневить... Идемте, я представлю вас мадам Этуаль. Она так предсказывает будущее, что просто удивительно!

– Иногда прошлое куда интереснее будущего, – загадочно ответила Амалия, и взор ее блеснул золотом.

– В самом деле? – пробормотала Ласточкина.

– Да. Интересно, что сказал бы ваш муж, если бы узнал, что его поразительный выигрыш был подстроен?

Ласточкина побледнела.

– Послушайте, Амалия Константиновна...

– Нет, это вы послушайте, – уже сердито сказала Амалия. – Князь Мещерский – мой друг, и я не позволю какой-то алчной особе прибрать его к рукам. Вам понятно? Вообще-то мне все равно, что вы задумали и как провернули хитрую аферу. Ласточкин был беден и не мог жениться на вас, богатой наследнице, и тогда вы вдвоем с мадам Этуаль придумали комбинацию со сказочным выигрышем. Но для претворения этого замысла вы подкупили не одного человека, и если вы верите, что такие вещи можно сохранить в тайне, то очень и очень заблуждаетесь.

Пока баронесса говорила, хозяйка дома то бледнела, то краснела.

– Амалия Константиновна... госпожа баронесса... Умоляю вас, не надо говорить ничего Андрею! Он уверен, что сам выиграл те деньги... Я так хотела ему помочь!

– Я ничего не скажу вашему мужу, – ответила Амалия. – Потому что хоть вы и пошли на обман, но он преследовал не самые худшие цели. Однако я не желаю, чтобы моих друзей вводили в заблуждение. Поэтому буду вам весьма признательна, если вы откажете госпоже Ланской от дома и больше не будете принимать ее у себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.